

А. Ярославцев

НАЧАЛО «НЕМЫСЛИМОГО»

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Ярославцев

Начало «Немыслимого»

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Ярославцев А.

Начало «Немыслимого» / А. Ярославцев — «Издательство АСТ»,
2021 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-145425-8

Когда спустя пятьдесят лет после окончания Второй мировой войны пришло время снимать грифы секретности, в архивах Британского Королевства обнаружился проект операции, за авантюризм названный «Немыслимое». В борьбе с Советским Союзом за мировое лидерство правительства Британии и США были готовы рассматривать даже возможность новой войны. Не зря трофейное немецкое оружие тщательно собирали и складировали, чтобы в случае необходимости его можно было вернуть сдавшимся в плен немецким солдатам. Но ни Черчилль, ни Трумэн так и не решились пойти на открытый конфликт с Советским Союзом. Ведь если бы они только рискнули развязать новую войну, Советский Союз ответил бы со всей мощью...»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-145425-8

© Ярославцев А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава I	7
Глава II	21
Глава III	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Ярославцев

Начало «Немыслимого»

Роман

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© А. Ярославцев, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Как в действительности называлась операция, разработанная британским Генеральным штабом по приказу Черчилля в начале 1945 года, доподлинно неизвестно. Призванная внести существенные изменения в итоги Второй мировой войны в пользу западных союзников, она оказалась невостребованной и канула в бездонные недра военных архивов Британского королевства.

Как бы сильно ни любил и ненавидел Страну Советов «самый выдающийся британец» всех веков и народов, реализация этого воинственного плана могла обойтись западному миру очень дорого. Уж слишком откровенно авантюрным был этот замысел, и его реализация была не под силу даже таким гениям военного искусства англо-американской коалиции, как генерал Эйзенхауэр и фельдмаршал Монтгомери.

Лишь спустя пятьдесят лет, когда пришло время снимать грифы секретности, операция получила кокетливое название «Немыслимое», дабы показать всему просвещенному миру, что эти планы всего лишь черновые наброски. Эдакий не совсем удачный пассаж, досадный пук, который не стоит воспринимать всерьез.

Мало ли чего не бывает в таком важном деле, как «Большая политика», где все партнеры не в полной мере доверяют друг другу. К чему пугаться сейчас того, что не произошло в далеком прошлом. Давайте радоваться тому, что всего этого не случилось, и наслаждаться прелестями жизни.

Подобное объяснение на первый взгляд логично и понятно, но в своей основе откровенно лживо. Ведь кроме пресловутого плана «Немыслимое» со стороны Черчилля были многочисленные призывы к генералу Эйзенхауэру занять Берлин раньше русских. А когда это не удалось сделать, то британский премьер приложил максимум усилий, чтобы войска англосаксонской коалиции как можно дальше продвинулись на восток, чтобы было потом чем торговаться со Сталиным.

Так, на севере Германии англичане заняли Висмар и Шверин, а в ее центральной части американцы захватили Эрфурт и Лейпциг, входившие в зону советской оккупации. На юге господа союзники вошли в западные районы Чехословакии, попытались как можно ближе приблизиться к Вене и беспардонно потеснили югославы под Триестом. Все это, конечно, делалось под девизом скорейшего завершения войны и наступления долгожданного мира.

Однако произнося эти святые для всех простых людей слова, британский премьер одновременно отдал фельдмаршалу Монтгомери секретный приказ о трофейном оружии. Оно

должно было тщательно собираться и складироваться, чтобы в случае необходимости его можно было вернуть сдавшимся в плен немецким солдатам.

Всех этих фактов вполне достаточно, чтобы понять, что операция «Немыслимое» – это отнюдь не случайность, а логическая закономерность деятельности британского премьер-министра в его тайной борьбе с Советским Союзом и лично против Сталина.

К настоящему моменту еще много интересных фактов скрыто в секретных архивах британского правительства. Нет полной информации о том, как спецслужбами западной коалиции была подготовлена и проведена капитуляция немецких войск на севере Италии.

Ждет своего часа досье, раскрывающее полную правду о прилете в Англию Гесса. За семью печатями хранятся подробности тайных переговоров союзников с немецкими финансистами и промышленниками в конце сорок четвертого года. Ничего неизвестно о количестве имперского золота, взятого англосаксами в Баварии и Австрии, а также о его дальнейшей судьбе, но все это частности.

Главное заключается в том, что в конце войны советские солдаты воевали не только за победу над гитлеровской Германией. Своими подвигами на поле брани они принуждали западную коалицию к соблюдению данных ранее ими обязательств и заключению справедливого и долгосрочного мира.

Об этом очень подробно рассказано в замечательном фильме режиссера Джеммы Фирсовой «Зима и весна сорок пятого». Даже не зная о существовании «немыслимых планов», она прозорливо угадала их существование и при помощи кинохроники талантливо и обстоятельно рассказала об этом подвиге бойцов и командиров Красной Армии в конце войны.

- Как за сорок четыре дня боев, пройдя в стремительном броске от Вислы до Одера, они нарушили коварные планы британского премьера, согласно которым встреча союзников должна была состояться не на берегах Эльбы, а далеко за Одером, на западных подступах к Варшаве. Именно там видели разграничительную черту влияния вступившие в тайный сговор с фашистами представители «свободного мира». Именно там после пяти месяцев безуспешного прогрызания «линии Зигфрида» на берегах Рейна, а потом за месяц пробежав половину Германии, англо-американские войска должны были протянуть руку помощи завязшим в позиционных боях русским.

- Как советские солдаты похоронили эти планы в апреле сорок пятого года, когда за семнадцать дней непрерывного наступления разгромили и уничтожили лучшие дивизии вермахта и вопреки всем надеждам мистера Черчилля взяли хорошо укрепленный Берлин, раз и навсегда показав всему миру, кто является главным победителем в войне, страшнее и ужаснее которой мир еще не знал за всю историю своего существования.

- Как своим героизмом и мужеством, своим мастерством и храбростью советские воины вынудили американского президента Трумэна отказать Черчиллю в поддержке его планов силового давления на СССР и заставили западных союзников сесть за стол переговоров. Прагматик до мозга костей, несмотря на всю англосаксонскую солидарность, Трумэн так и не решился на открытый конфликт с Советским Союзом. В том, что советские танки дойдут до берегов Ла-Манша – никто не сомневался, а у американского президента еще не была завершена война с Японией.

Все это есть в талантливом фильме, незаслуженно отодвинутом в тень забвения, память о котором и подтолкнула автора к созданию этого скромного произведения.

Глава I

Пагубное влияние алкоголя на большую политику

Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль находился в крайне возбужденном состоянии. Вот уже в который раз он наливал в свой бокал ровно на два пальца янтарного бренди и жадно поглощал его в надежде обрести душевное спокойствие, но все было тщетно. Горечь и злость вперемешку с обидой и растерянностью не позволяли «первому англичанину», как именовали тогда Черчилля его друзья и враги, успокоиться и принять правильное решение. Последний раз подобный душевный дискомфорт возник у британского премьер-министра в декабре 1944 года. Тогда, проглянув подготовку немецкого наступления в Арденнах, англо-американские войска на севере Франции оказались под угрозой полного разгрома. Посчитав, что вермахт не в состоянии наступать на Западном фронте, союзники усиленно готовились к Рождеству, и внезапный удар немцев застал их врасплох.

Впервые со времени высадки в Нормандии английские и американские войска столкнулись с наступлением, подготовленным по всем правилам германского военного искусства. Создав на узком месте прорыва превосходство в живой силе и технике, после полуторачасового артобстрела и бомбежки немцы легко прорвали оборону противника.

Уже к исходу вторых суток наступления танковые подразделения вермахта вырвались на оперативный простор и принялись уничтожать беззащитные армейские тылы неприятеля. И теперь уже не на запад, а на восток потекли понурыми колоннами пленные, под триумфальное стрекотание кинокамер подручных рейхсминистра пропаганды доктора Геббельса.

В те горестные для Англии дни ни фельдмаршал Монтгомери, ни генерал армии Эйзенхауэр не могли сказать Черчиллю ничего утешительного. Прорвав фронт на его большом протяжении, танковые клинья немцев уверенно продвигались на запад, решительно сметая все на своем пути.

Сделав первые успешные шаги в Арденнах, Гитлер намеревался рассеять силы противника надвое и, выйдя к морскому побережью, устроить англосаксам новый Дюнкерк¹, что если не приведет к полному развалу Западного фронта, то серьезно осложнит положение союзников в Европе и даст фюреру очень важную фору во времени.

Рейхсминистр вооружения Шпеер клятвенно обещал Гитлеру к середине сорок пятого года дать немецкой армии новое оружие, способное кардинальным образом изменить весь ход войны. В листе ожидания значилось не только массовое производство фаустпатронов, реактивных самолетов – Мессершмиттов-262, Арадо-234 и ракет Фау-2, там были зенитные ракеты «Водопад», стратегический бомбардировщик «Америка – Бомбер», пилотируемые крылатые ракеты Фау-4 и даже дисколеты Фау-7. Однако самым главным сюрпризом для врага была немецкая атомная бомба. Ее испытание в малом черновом варианте намечалось провести в марте сорок пятого года в Рудных горах.

Обо всем этом союзному командованию стало известно лишь после окончания войны, когда победители занялись разбором захваченных трофеев. А тогда солдаты коалиции дружно отступали на запад под натиском танков вермахта. При этом особую резвость выказывали англичане.

Четыре года понадобилось британским генералам, чтобы излечить сердца своих солдат от страха перед противником. Благодаря численному превосходству в живой силе и технике, англичане смогли одержать ряд побед над немцами в Африке и Италии и воспрыли духом.

¹ Имеется в виду разгром англо-французских войск под Дюнкерком.

Успешно высадившись в Нормандии вместе с янки, англичане продолжили свое исцеление, но в сентябре сорок четвертого года случился опасный рецидив.

Тогда, претворяя в жизнь навязчивую идею премьер-министра Черчилля по скорейшему захвату Берлина, фельдмаршал Монтгомери предпринял высадку воздушного десанта в Голландию. Британцы собирались захватить мосты через Рейн и вторгнуться в Германию с северо-западного направления. Полностью уверенный в том, что вермахт основательно обескровлен ожесточенными боями на Восточном фронте, Черчилль намеревался уже к ноябрю захватить столицу рейха, но жестоко просчитался.

Немецкие дивизии под командованием фельдмаршала Моделя дрались стойко и упорно. Все, чего сумели достичь войска фельдмаршала Монтгомери за неделю боев – это незначительное продвижение на севере Брабанта. Понеся потери почти в двадцать тысяч человек убитыми и ранеными, британцы вновь с опаской и настороженностью стали относиться к своему противнику.

Прорыв немцев под Арденнами легким щелчком сбил с британских солдат уверенность в своих силах и вновь вселил в их сердца страх и уныние. Как бы они ни храбрились друг перед другом, любое известие о немецких танках вызывало у них сильную внутреннюю дрожь, заставляло думать исключительно об отступлении, а не об обороне.

Что же касается янки, то для них немецкое наступление было подобно кошмарной детской сказке, которая так хорошо начиналась и неожиданно приняла столь скверный оборот. Впервые попав под сокрушительные удары немецких бронетанковых дивизий, новоявленные освободители Европы лихо показали врагу спину, несмотря на истошные крики и призывы к стойкости и сопротивлению, исходившие от верховного командования объединенных союзных сил.

Никто из увешанных звездами генералов не мог с уверенностью сказать, где и когда им удастся остановить стремительное продвижение германских дивизий. Непрерывные заседания союзного командования по исправлению положения на фронте не давали ощутимого результата. Получив наконец-то возможность нанести противнику полноценный удар, немцы показали всему миру, что их недаром считали лучшими солдатами мира.

В декабре сорок четвертого года вермахт был очень близок к исполнению своих планов, но из-за невозможности ОКХ² снять дополнительные силы с Восточного фронта новый Дюнкерк не состоялся. Наметившийся успех на Западном фронте не был закреплен и расширен. По прошествии времени англосаксы пришли в себя и, имея подавляющее превосходство в авиации, сначала остановили наступление немцев, а затем подтянули резервы и отбросили противника на исходные рубежи.

Страх и пугающая неизвестность заставили Черчилля в эти дни обратиться к Сталину со слезной просьбой начать наступление против немцев и тем самым спасти армии союзников от полного развала. Однако хитрый английский лис не был бы самим собой, если бы при этом не преследовал далеко идущие цели. Взывая к Сталину, он надеялся не только на спасение англосаксонских войск, но и на значительное ослабление военной мощи Красной Армии.

Согласно докладу английской разведки, шесть линий мощных немецких оборонительных укреплений пересекали территорию Польши с севера на юг, надежно прикрывая подступы к восточным границам германского рейха. Созданные по личному распоряжению Гитлера, они должны были стать для советских войск той непреодолимой преградой, что вынудит их перейти к длительной позиционной войне и даст Германии значительную фору во времени.

Исходя из собственного опыта прорыва немецких оборонительных линий, британские военные в один голос утверждали, что начав свое наступление, советские войска в лучшем случае смогут преодолеть только часть оборонительных рубежей немцев. Прочно увязнув в

² ОКХ – нем. ОКН – Главное командование сухопутных сил.

позиционной борьбе и потеряв много сил, Красная Армия надолго выйдет из борьбы за главный трофей этой войны – столицу фашистского рейха Берлин.

Ловко плетя паутину против своего восточного союзника, Черчилль активно трудился и на другом фронте. Премьер-министр вел активные переговоры с представителями деловых кругов Германии, намереваясь заключить сепаратный мир с немцами. После чего вчерашние противники единым фронтом выступят против истинного врага свободного мира – Советской России.

Идею о необходимости заключения сепаратного мира с Германией полностью разделял и американский резидент Управления стратегических служб в Берне Аллен Даллес. Обосновавшись в нейтральной Швейцарии, он создал тайные каналы связи для ведения прямых переговоров с высокими чинами гитлеровского рейха. Такого же мнения был представитель деловых кругов Америки мистер Фарлонг. При поддержке финансовых воротил с Уолл-стрита он вел активный зондаж в кругах германских предпринимателей о мирных переговорах, сидя в Стокгольме.

О необходимости скорейшего завершения войны говорили не только в столицах Швеции и Швейцарии. Важно надувая щеки, о необходимости заключения сепаратного мира Запада с Германией говорили политики в Стамбуле, Мадриде, Лиссабоне, выказывая готовность стать посредником в столь важном для всей Европы деле. О том же говорил даже Ватикан, чей папский нунций пытался внести свой скромный вклад в спасение свободного мира от «красной угрозы».

Идея сепаратного мира так прочно пустила свои корни в умах европейцев, что едва положение во Франции стабилизировалось, в Германию отправилась специальная миссия, состоявшая из особо доверенных лиц Сити и Уолл-стрита.

Уединившись в особняке одного из ведущих германских промышленников на берегу Рейна, деловые люди быстро нашли общий язык. Прекрасно понимая безвыходность своего положения, немцы были готовы сложить оружие на западе и продолжить войну на востоке.

Ввиду чрезмерной одиозности фигуры Гитлера главная роль в этом процессе отводилась генералам вермахта, с которыми у промышленников были давние связи. Военные могли устранить так не любимого всеми Гитлера, а заодно удержать армию, полицию и народ в повиновении. К середине января сорок пятого года Европа была в двух шагах от нового крестового похода на восток, но успешное наступление русских войск в Польше полностью разрушило все планы заговорщиков.

Неожиданно для всех Красная Армия начала столь стремительно двигаться вперед, что привела Берлин в ужас, а Лондон и Вашингтон в замешательство. Прорвав фронт, танковые армии Сталина быстро пересекли всю Польшу, с легкостью преодолевая одну оборонительную линию противника за другой. Изумленный темпами наступления советских армий, Комитет объединенных штабов не исключал возможности захвата Красной Армией Берлина уже в феврале 1945 года, однако, слава богу, этого не случилось. Не дойдя до столицы рейха всего шестьдесят километров, русские были вынуждены остановиться, чтобы обезопасить свои растянутые фланги. Положение на Восточном фронте стабилизировалось. Берлин, Лондон и Вашингтон облегченно перевели дух и принялись лихорадочно менять уже сверстанные планы.

В ситуации, когда русские танки стояли в шестидесяти километрах от Берлина, ни один здравомыслящий политик не согласился сесть за стол переговоров с немцами как равноправными партнерами по будущей антирусской коалиции. Единственно приемлемым вариантом была почетная капитуляция вермахта на Западном фронте и продолжение войны на Восточном фронте.

Черчилль с энтузиазмом ухватился за эту формулировку, видя в ней реальную возможность занять столицу Германии войсками западной коалиции вопреки недавно подписанным в

Ялте соглашениям. Центр тайной дипломатии переместился в Берн, и вскоре она дала неплохие результаты.

При полном непротивлении немецких генералов, англо-американские войска победным маршем двинулись на восток. «Линия Зигфрида», которую объединенные силы не могли прорвать за пять месяцев, рухнула в считанные дни. Вопреки призывам фюрера «стоять насмерть» гарнизоны больших городов не оказывали никакого сопротивления, покорно складывая свое оружие перед разведывательными дозорами американских мотоциклистов.

Только непримиримая позиция командующего Западного фронта фельдмаршала Вальтера Моделя не позволила американским войскам с ходу форсировать Рейн. Ярый сторонник фюрера, он собирался дать бой врагу на этом важном рубеже обороны, но черная измена не позволила фельдмаршалу осуществить свои намерения. Вопреки личному приказу Моделя один из стратегических мостов через Рейн достался союзникам целым и невредимым, чем они не преминули воспользоваться. Перебросив значительные силы на восточный берег Рейна, американцы провели успешную операцию по окружению главных сил противника в районе Рура.

Оказавшись в «котле», фельдмаршал Модель пытался вырваться из него, но силы были не равны. Исчерпав все возможности сопротивления, в середине апреля он застрелился. Западный фронт рухнул, дорога на Берлин оказалась открытой. Черчилль радостно потирал руки в предвкушении немецкой капитуляции на западе, но и этим планам британского премьера не суждено было сбыться.

Благодаря хорошей работе разведки Сталин сумел с блеском нивелировать эти успехи своего заклятого союзника. Находясь в доверительной переписке с Эйзенхауэром, он сообщил генералу, что свой главный удар советские войска будут наносить в конце апреля начале мая, но не по утратившему свое значение Берлину, а по Лейпцигу и Вене.

Главной целью советского наступления были объявлены разгром и окружение группы армий «Центр», а также скорейшее занятие так называемого «Альпийского редута». Эйзенхауэр поверил советскому вождю, и Берлин стал второстепенным направлением союзного наступления, несмотря на яростные протесты Черчилля. Одновременно с этим Сталин обрушился на Рузвельта и Черчилля с гневными упреками в предательстве общих интересов. Уличенные в нечистой игре американцы и англичане были вынуждены свернуть переговоры в Берне. Идея капитуляции Германии на западе и продолжения войны на востоке была трансформирована в капитуляцию немецких войск в Италии при участии советского представителя.

Неудачи на дипломатическом фронте крайне плачевно повлияли на здоровье президента Рузвельта, который скоропостижно скончался. Был это апоплексический удар или что-то иное ударило в голову 32-го правителя Америки так, что его пришлось хоронить в наглухо закрытом гробу, неизвестно. Однако в самый ответственный момент Черчилль остался один на один со Сталиным. С болью в сердце он наблюдал, как советские войска сначала окружили Берлин, а затем меньше чем за неделю взяли его штурмом. Пытаясь хотя бы частично реализовать свои тайные планы, премьер Черчилль затеял возню с капитуляцией немецких войск в Реймсе. Прожженному политику было крайне важно хоть как-то уменьшить победный лавровый венок Сталина, но и здесь его постигла неудача. Советский вождь твердой рукой довел свою партию до конца, и окончательная капитуляция Германии перед союзными войсками была подписана не в сдавшемся американцам без боя Реймсе, а во взятом Красной Армией Берлине.

Единственными успехами, которыми Черчилль мог похвастаться по окончании войны, были только два момента: это захват британскими войсками в Киле и Фленсбурге германского военного и торгового флота, а также занятие итальянского порта Триеста, вопреки требованиям маршала Тито.

Вспомнив об этих двух маленьких клочках шерсти, доставшихся британскому льву, Черчилль помянул черта и со злостью поставил на письменный стол пустой стакан. Его трофеи не шли ни в какое сравнение с трофеями хитрого азиата.

Однако не эти печальные итоги его противостояния со Сталиным лишили главу Британии его былой выдержки и спокойствия, заставив полностью опустошить один графин с бренди и взяться за другой. Дело заключалось в серой невзрачной папке, лежавшей на углу стола, а точнее в ее трехстраничном содержании.

Английская разведка всегда славилась своими кадрами, благодаря которым империя часто была на шаг впереди всех своих противников в Большой игре. С началом войны один из руководителей МИ-6, с чьим мнением Черчилль всегда считался, предложил создать в недрах своего аппарата особое аналитическое бюро. Его задача заключалась в выяснении мнения англичан по поводу того или иного военно-политического вопроса. Премьер согласился с этим предложением и в дальнейшем нисколько об этом не пожалел.

В трудный для Британии час, когда ее изрядно похудевший золотой запас был отправлен в Канаду, и многим казалось, что дни империи сочтены, отчеты аналитиков помогали премьеру твердо шагать навстречу всем невзгодам. Громогласно обещая по радио простому народу тяжелый труд, кровь, слезы и нужду, Черчилль отлично знал, что британцы готовы заплатить эту страшную цену ради достижения победы и не потребуют его отставки.

Раз в две недели, а иногда и чаще, начальник секретного бюро приходил на доклад к Черчиллю с серой папкой, что сейчас сиротливо лежала на столе британского премьер-министра. За годы войны она сильно обтрепалась, но Фимс упорно не желал менять ее на другую, считая папку своеобразным талисманом удачи своего бюро.

Доклады аналитиков, как правило, были сухими и лаконичными, может быть, даже несколько чопорными, под стать самим англичанам. Читать их порой было неинтересно, но за шесть лет существования бюро не было случая, чтобы аналитики ошиблись в своих прогнозах или допустили досадный промах. Люди Фимса верно улавливали настроения как простого народа, так и высших слоев общества и загодя информировали о них премьера. Когда из-за нехватки информации или по какой-то другой причине было трудно сделать вывод, аналитики честно говорили об этом Черчиллю и просили дополнительное время для сбора информации. В том случае если заключение требовалось предоставить немедленно, бюро выдавало несколько вариантов прогнозов.

Одним словом, длительное сотрудничество с бюро приучило Черчилля полностью доверять полученным от аналитиков выводам. Все было хорошо, и обе стороны были довольны друг другом, но тридцатое мая 1945 года стало черным днем этого плодотворного сотрудничества. Готовясь к мирным переговорам в Берлине, британский премьер с головой ушел в переписку с новым президентом Америки Гарри Трумэном.

Нынешний обитатель Белого дома не имел никакого опыта и умения вести дела в большой политике. Это давало связанному по рукам и ногам статьями Атлантического пакта Черчиллю шанс избавиться от унижительного статуса «младшего брата» и вернуть себе титул равноценного партнера в Большой тройке.

Огромный поток писем, записок и телеграмм стал непрерывно циркулировать между двумя берегами Атлантики. Обсуждая с Трумэном тот или иной вопрос относительно будущего Европы, Черчилль стремился навязать собеседнику свое мнение, однако не сильно преуспел в этом деле. Соглашаясь с мнением о необходимости держать Сталина в крепкой узде, Трумэн не торопился признавать за Черчиллем право «первой скрипки» в англосаксонском дуэте.

Полностью занятый подготовкой к грядущим мирным переговорам, Черчилль отодвинул на задний план все иные дела, в том числе и парламентские выборы. Встав у кормила власти в самые трудные для страны времена, выстояв под ударами врага и одержав победу, Уинстон был полностью уверен в положительном исходе предстоящего голосования.

Это мнение разделяли как члены правящего кабинета, так и многие парламентарии, отдавшие политике не один год. Больше того, такого же мнения придерживался и лидер лейбористов Клемент Эттли, считавший, что после окончания войны бороться с популярностью Черчилля безнадежное дело. Поэтому предстоящие выборы высокие стороны посчитали делом чисто формальным и свои предвыборные кампании провели с минимальными финансовыми и прочими материальными затратами. К окончанию войны, из-за развязанной немцами морской блокады, некогда гордая и могущественная Британия испытывала острейший дефицит буквально во всех видах товаров. Начиная от топлива, продуктов питания и тканей и заканчивая банальными швейными иглками, нитками и спичками.

Каково же было удивление господина премьера, когда он стал читать принесенный Фимсом прогноз предстоящих парламентских выборов. Привычно раскрыв серую папку, он ознакомился с шапкой доклада, бегло пробежал глазами его середину и погрузился в изучение прогноза своего ближайшего будущего.

Полностью уверенный в результатах выводов, Черчилль сначала не совсем понял сделанное аналитиками МИ-6 заключение. Вначале ему показалось, что в итоговое заключение вкралась досадная опечатка, но чем внимательнее он вчитывался в текст, тем сильнее стали дрожать его пухлые и толстые пальцы. Когда же премьер-министр полностью осознал, что прочат ему на грядущих выборах аналитики, то кровь нахлынула на его чело, и скомканные в гнев бумага полетели в сторону незадачливого пророка.

– Что это такое?! – взорвался в праведном гнев Черчилль. – Что за ерунду насочиняли ваши парни, Фимс?! Они что, к концу войны разучились понимать то, что понимает любой начинающий политик?! Как это так, партия победы может проиграть выборы?! Вы сами только вдумайтесь в эти слова!

– Извините, сэр. Для меня самого подобный прогноз стал полной неожиданностью. Поверьте, сэр, но все наши аналитики пришли к одному и тому же выводу, и не верить им у меня нет никаких оснований.

От этих слов лицо Черчилля стало еще более пунцовым. Сделав над собой огромное усилие, он попытался найти для себя достойный выход.

– Возможно, ваши парни сделали выводы, используя не вполне достоверные данные. Вы как-то сами мне говорили о подобной возможности, Фимс, – с затаенной надеждой в голосе предположил премьер, но чиновник тут же раздавил все его чаяния своим безапелляционным вердиктом:

– Перед тем как идти к вам с подобным известием, я приказал своим специалистам перепроверить достоверность всех исходных данных, сэр. Они были перепроверены трижды, и все равно получился прежний результат, сэр.

В этот момент на сэра Уинстона было жалко смотреть. Не желая признавать столь убийственный для себя вердикт народа, он горько застонал.

– Но то, что вы мне принесли, это невысказанное, просто невысказанное, Фимс! – воскликнул сокрушенный выводами аналитиков пока еще премьер-министр.

Жалостливые сетования собеседника нисколько не тронули сердце чиновника, успевшего хорошо узнать натуру Черчилля за годы войны. Фимсу очень хотелось сказать сакраментальную фразу: «Глас народа, глас Божий!» – но он, естественно, этого не сделал. Возможно, из джентльменской солидарности, но, скорее всего, из боязни за собственное место. Ведь в порыве гнева Черчиллю ничего не стоило разогнать отдел аналитиков и выдать незадачливым пророкам «волчий билет», несмотря на былые заслуги. Поэтому он попытался подсластить горькую пилюлю премьеру и одновременно спасти свой отдел и собственное место.

– Видите ли, в чем дело, сэр. Мы только фиксируем настроение простых англичан и делаем свои выводы. А что породило их недовольство, как правило, остается за рамками нашего доклада. Будучи, так же как и вы, изумлен полученными результатами, я занялся исследова-

дованием причин, их породивших. С определенной степенью вероятности можно предположить, что на настроение населения нашей страны повлияли не только тягости военного времени, но и возможное воздействие третьей силы.

– Вы это серьезно, Фимс? – это был уже голос не обиженного джентльмена, а обнаружившего шанс на спасение своей карьеры политика.

– В полученном нами материале на это есть некоторые намеки, сэр. Но мы не можем с полной уверенностью утверждать это. Ведь мы только аналитики, а не контрразведчики... – заюлил Фимс, опасаясь, что премьер взвалит на его плечи розыск этой зловредной третьей силы.

– Вот и изложите все ваши мысли на бумаге, четко, ясно и подробно. Как вы это всегда умеете делать. Все остальное не ваша забота, – изрек Черчилль и кивком головы отпустил Фимса.

Когда двери за вестником грядущей беды закрылись, премьер с большим трудом дошел до кресла и буквально рухнул в него. Дрожавшими от возбуждения руками он достал из бокового ящика стола хрустальный графин с бренди и торопливо налил напиток в стоявший на столе стакан.

Специальный фужер для бренди стоял в шкафу, но у премьера не было ни сил и ни желания идти доставать его. Наполнив щедрой рукой стакан почти до краев, Черчилль принялся поглощать божественный напиток жадными глотками.

С начала войны бренди был для Черчилля самым лучшим лекарством, при помощи которого он боролся с тайным недугом, что часто посещал душу правителя Британии. Мало кто знал, что внешне уверенный и вполне успешный в себе политик был подвержен частым приступам депрессии. Пройдя хорошую школу в среде английской аристократии, Уинстон научился хорошо скрывать свой душевный недуг, однако это не могло продолжаться бесконечно долго. Обращение за помощью к врачам, по твердому убеждению Черчилля, могло поставить крест на его политической карьере, и потому он предпочитал бороться со своим внутренним врагом при помощи алкоголя.

Янтарный напиток превосходно бодрил душу потомка герцога Мальборо. Он с легкостью изгонял из нее черную меланхолию, раскрепощал сознание и давал дорогу бурной умственной деятельности политика. Под его божественным воздействием Черчилль начинал буквально искриться множеством идей и предложений по преодолению той или иной трудности.

Именно такой человек и был нужен дряхлеющей Британской империи, на которую с начала мая 1940 года трудности обрушились как из рога изобилия. Твердость и уверенность премьер-министра в собственных силах помогли англичанам пережить горечь военного поражения у Дюнкерка и катастрофу на Крите. Напористость и решительность Черчилля позволила британским войскам выстоять в ожесточенном сражении под Аламейном в Африке и взять штурмом твердыни Монте-Кассино в Италии. Его неторопливость и невозмутимость спасла британскую армию во время Арденнской катастрофы, когда судьба всего Западного фронта висела на волоске. Божественный напиток всегда придавал британскому премьеру силы и энергию, но с каждым годом это давалось ему с большим трудом. Чтобы добиться очередной победы над внутренним врагом, Черчиллю приходилось увеличивать дозы приема спиртного. Однако по прошествии времени бренди перестал давать необходимый результат, и у господина премьера стали появляться досадные осечки. Одновременно с этим у старого политика стала развиваться раздражительность и нетерпимость к тем, кто проявлял медлительность и осторожность, в противовес его стремительным, а иногда откровенно авантюрным решениям. Так, десантирование британских солдат в Голландию было проведено по личному указанию Черчилля, несмотря на отрицательное заключение фельдмаршала Монтгомери и офицеров его штаба. А когда операция провалилась, премьер, не моргнув глазом, свалил всю вину на нерадивых исполнителей его блистательного замысла.

Предсказания Фимса о грядущем поражении на выборах породили у премьера сильнейшую депрессию. Жестоко обиженный на рядовых британцев, «кавалер ордена Башмака» затворился в своих апартаментах вместе с солидным запасом бренди. Судорожно зажав в руке стакан, он стал лихорадочно размышлять над тем, как предотвратить черную неблагодарность нации. Вскоре графин опустел, но господин премьер ни на йоту не продвинулся в своих поисках спасительного решения. Бренди давно уже бурлило в крови «первого британца», но долгожданное озарение так и не приходило. Словно смеясь над престарелым политиком, алкоголь лишь породил обрывки различных идей, которые, несмотря на все его старания, он никак не мог связать воедино.

Не желая признавать поражение, Черчилль решил продолжить борьбу за справедливость. Не колеблясь ни секунды, он пододвинул к себе новый графин и, вынув из него хрустальную пробку, продолжил созидательный процесс. После очередного глотка бренди по щекам Уинстона неожиданно побежали соленые слезы. Властный и решительный человек, привыкший одним росчерком пера посылать на смерть десятки, а то и сотни тысяч людей ради блага страны, горько и неудержимо плакал, охваченный сильной жалостью к себе. Если бы его в этот момент увидел кто-нибудь из посторонних, монументальный образ мудрого политика, столь усердно культивируемый Черчиллем на протяжении многих лет, был бы разрушен раз и навсегда. Потомок рода Мальборо в этот момент был так жалок и беспомощен, что его вид мог напугать лишь только малолетних детей из отдаленных деревень Шотландии, но никак не врагов Британской империи.

Плохо контролируя рвущиеся из груди судорожные всхлипывания, он лишь утирал со своих обвисших щек обильно катящиеся слезы и громко шмыгал носом, подобно обиженному первокласснику. Зрелище было потрясающим по своей силе и эмоциональности. Однако массивные дубовые двери кабинета и верный секретарь, сидящий перед ними, подобно цепному псу, надежно скрывали распутившего нюни первого министра от постороннего взгляда.

Сколько продлилось душевное очищение британского премьера – сказать невозможно. Потерявший счет времени Уинстон не помнил эту досадную мелочь. Но вслед за этим началось долгожданное воздействие янтарного напитка. Стирая со щеки очередную горючую слезу, Черчилль неожиданно вспомнил фразу из одного детективного рассказа писателя Гилберта Честертона. Отставленный в конце двадцатых годов от политики усилиями своих недругов, Черчилль решил заняться литературой. Талантливый человек талантлив во многом. Лишившись парламентской трибуны, Уинстон удачно переквалифицировался в писателя, много читая разных писателей.

«Где умный человек прячет сорванный им лист? В опавшем лесу. А тело убитого человека? На поле боя...» – доходчиво пояснял читателю Честертон устами отца Брауна, ведущего расследование одной запутанной истории. Эта фраза сразу пленила ум Черчилля своей откровенной простотой и убийственной логикой, едва только была им прочитана. Одно время он постоянно помнил ее, но по прошествию времени забыл и вот теперь вновь вспомнил это изречение.

Охваченный внезапным озарением, он вскочил из-за стола и стремительно, насколько ему позволяла комплекция и состояние, бросился к огромному стенному сейфу, что стоял в дальнем углу кабинета. Потратив некоторое время на борьбу с так некстати застрявшей в кармане пиджака связкой ключей, он открыл массивную дверь этого бронированного монстра и принялся лихорадочно искать в его недрах нужную бумагу.

С покатога лба британского премьера упала не одна капля пота, пока он нашел среди множества стопок бумаг и папок одну невзрачную папочку зеленого цвета. Тощая, с коричневыми завязками, она имела на своей титульной странице, редко встречающийся гриф секретности документов – «Совершенно секретно, только для высшего руководства империи». Чуть ниже ровным почерком клерка имелось пояснение: «„Операция Клипер“, отпечатано в одном

экземпляре». В папке находился черновой вариант плана войны британских сил с Советским Союзом, которая могла начаться сразу после капитуляции Германии.

Идея войны со Сталиным после разгрома Германии зародилась в голове Черчилля в конце сорок четвертого года, сразу после голландской неудачи. Тогда он впервые отчетливо осознал, что эту войну Англия закончит не главным победителем, а всего лишь союзником двух сверхдержав, России и Америки. И значит, те огромные материальные, людские и финансовые жертвы, что понесла Британия в борьбе с Гитлером, пропадут даром. Это было совершенно неприемлемо для интересов нации, и эту несправедливость следовало исправить любой ценой.

Зная, как непопулярна в сознании народа новая война после одержанной победы, Черчилль сосредоточил все свои усилия на заключении сепаратного мира, решив добиться победы над Сталиным путем тайной дипломатии. Однако чем чаще намерения британского премьера терпели фиаско на дипломатическом фронте, тем реальнее становилось воплощение этой чудовищной идеи. Подобно мухе, случайно попавшей в стакан, она все звенела и звенела в его подсознании, с каждым новым месяцем войны уверенно набирая силы. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Уини, стал крах сепаратных переговоров в Берне. Тогда, в конце марта, разозленный тем, что Сталин заставил его наступить на горло прекрасной мечте, Черчилль вызвал к себе начальника британского Генерального штаба, фельдмаршала Аллена Брука.

Начав свою речь словами о благе государства и защите интересов нации, он приказал Бруку рассмотреть чисто гипотетически возможность военного конфликта с русскими. Суть его заключалась в вытеснении русских войск на восток, до линии Керзона. Срок разработки этой операции был определен Черчиллем довольно жестким, две-три недели, но подопечные Брука блестяще справились с этой задачей раньше срока. Когда советские снаряды в пух и прах громили имперскую канцелярию, методично разрушая многометровый бетон бункера Гитлера, зеленая папка с планом новой войны легла на стол Уинстона Черчилля.

Ставя перед военными столь необычную задачу, Черчилль в глубине души ожидал от них чего-то необычайного, но творение британских генштабистов было насквозь сухим и прозаичным. Для достижения поставленной цели предполагалось нанести по понесшим большие потери во время штурма Берлина советским войскам два внезапных удара, в северной и центральной части Германии. Застав солдат противника врасплох, британцы надеялись легко сломить их сопротивление и под угрозой окружения и уничтожения заставить отойти сначала из Германии, затем из Силезии, потом при благоприятных обстоятельствах отбросить за Вислу.

На реализацию предложенного штабистами плана должно было уйти месяц-полтора, максимум три месяца. По истечении этого срока они настойчиво рекомендовали премьеру приступить к мирным переговорам со Сталиным, вне зависимости от достигнутых результатов. Новой затяжной войны Британия попросту не выдержала бы.

Ознакомившись с творением имперских штабистов, сэр Уинстон возрадовался душой, но ненадолго. При обсуждении плана операции «Клипер» на совещании начальников объединенных штабов фельдмаршал Брук занял резко негативную позицию по отношению к нему. Начальника имперского Генерального штаба не смогли переубедить ни обещание Черчилля привлечь к проведению операции американские войска, ни поддержка планов премьера со стороны фельдмаршала Александра. Назвав рассматриваемую операцию опаснейшей авантюрой, Аллен Брук вынудил Черчилля отказаться от ее рассмотрения и отправить план в архив. Единственно в чем премьер смог одержать победу на этом совещании, так это в переименовании обсуждаемой операции. Для утонченной натуры потомственного аристократа название операции совершенно не соответствовало ее внутреннему содержанию, и потому она была переименована по требованию Черчилля с незатейливого «Клипер» на дерзкое и звучное «Немыслимое».

Именно в реализации «Немыслимого» Черчилль увидел для себя спасительный шанс удержаться у власти и успеть принести Британии максимальную пользу ее неизменным интересам. И в этом английский лорд не видел ничего предрассудительного. Просто время изъяснения воли британского народа будет немного отложено, что позволит Черчиллю провести весомую и убедительную агитацию в свою пользу.

Наконец-то запущенный в действие мозг лидера британской нации заработал, с каждой секундой набирая привычные обороты. Прошло всего каких-то две минуты, и он уже имел полное представление о своих действиях на ближайший период. Опасаясь забыть что-либо важное, Черчилль стал торопливо набрасывать карандашом в блокноте основные пункты своего плана, одновременно добавляя, расширяя и улучшая его. Охваченный азартом творения, время от времени прихлебывая бренди, спаситель английской короны смог полностью справиться со своим тайным недугом.

Когда вызванный звонком секретарь вошел в кабинет, то он просто застыл от удивления. Вместо виденного им всего полчаса назад раздавленного судьбой и упавшего духом человека перед ним была совершенно иная личность. Глаза его были полны боевым задором, речь звучала уверенно, движения четкие и решительные.

– Позвоните военным, Бригс, и пригласите ко мне на вечерний прием начальника оперативного отдела Генерального штаба генерала Мэрдока. Только его одного... – многозначительно приказал Черчилль, чем поверг своего секретаря в определенное замешательство.

– Позвольте уточнить, сэр. Следует ли известить об этом фельдмаршала Брука? – осторожно поинтересовался исполнительный секретарь.

– Ни в коем случае, Бригс. Сегодня вечером мне нужен именно генерал Мэрдок и никто иной. Передайте ему, что будет обсуждение плана операции «Клипер», точнее «Немыслимое», – поправился премьер, – он должен его хорошо помнить.

Вызывая к себе начальника оперативного отдела Генерального штаба, Черчилль был уверен, что на этот раз он сможет обойти строптивого фельдмаршала и сумеет вдохнуть жизнь в дорогое его сердцу детище. Ведь именно генерал-лейтенант Мэрдок был автором плана операции «Клипер» и очень огорчился сдачей его в архив. Кроме того, Мэрдок недолюбливал Брука, считая, что фельдмаршал откровенно затирает его в чинах и наградах.

– Что-нибудь еще, сэр?

– Позвоните лейтенант-полковнику Фимсу. Скажите ему, что доклад, о котором мы с ним говорили сегодня утром, должен быть готовым к этому вечеру. Никакие возражения не принимаются. За полчаса до прибытия генерала Мэрдока я хочу ознакомиться с его содержанием. Сориентируйте его по времени сами.

– Понятно, сэр... – перо секретаря проворно запорхало по листу блокнота.

– Завтра мне нужно встретиться с мистером Старбеком и мистером Кэнингемом. Желательно во второй половине дня. Как подсказывает мой жизненный опыт, в это время дня финансовые деятели более сговорчивы.

– Очень точно подмечено, сэр.

– И разыщите мне мистера Стэмплтона. Мне необходимо с ним поговорить в самое ближайшее время.

– Будет исполнено, господин премьер-министр, – заверил своего патрона секретарь.

Приглашая к себе Чарльза Стэмплтона, Черчилль хотел поговорить с человеком, обладавшим солидным весом среди британского истеблишмента и всегда имевшим свое мнение, которое он мог высказать открыто, невзирая на чины и должности своего собеседника. Для Уинстона старый ворчун был своеобразным оселком, на котором он уже много лет оттачивал свои идеи, перед тем как предать их официальной огласке.

Следуя негласной традиции, разговор о делах проводился после чашки бразильского кофе, к которому Стэмплтон относился с большим обожанием. Черчилль с большим нетерпе-

нием ждал окончания ритуала, с трудом поддерживая беседу о погоде, крикете и о новостях у общих знакомых. Наконец чашки были отодвинуты в сторону, удобно откинувшись в креслах, джентльмены закурили сигары, и переполненный энергией Черчилль заговорил:

– Не раскрою большого секрета, если скажу, что на сегодняшний день для нас нет важнее вопроса, чем послевоенное устройство Европы, в котором вопрос о Польше занимает перво-степенное положение. Мы не можем закрывать глаза на попытки Сталина полностью подчинить своему влиянию нашего давнего и преданного союзника. Я имею в виду те якобы свободные выборы, которые Москва намерена провести в Польше в ближайшее время. Все мы прекрасно понимаем, что пока там стоят советские войска, ни о каком честном и непредвзятом изъяснении воли польского народа не может быть и речи. Сталин никогда не допустит этого и всеми правдами и неправдами приведет к власти послушных ему коммунистов. Поэтому нам любой ценой надо вернуть измученную войной Польшу в лоно европейской демократии.

– Понятие «любой ценой» имеет очень широкое и весьма опасное толкование, Уинстон. Мне кажется, что ты несколько сгущаешь краски. Насколько мне помнится, в Ялте Сталин обещал устроить в Польше максимально честные и прозрачные выборы. Никто, кроме лиц, запятнавших себя в сотрудничестве с немцами, не будет лишен в Польше избирательных прав. Кроме того, он согласен на присутствие во время выборов наших наблюдателей. Я давно наблюдаю за политикой Сталина, и у меня сложилось убеждение, что он неуклонно выполняет все взятые на себя обязательства перед нами. Отказ от поддержки греческих коммунистов – наглядный тому пример.

– Мистер Сталин не такой простака, каким хочет казаться. За право обладать Грецией мне пришлось уступить ему влияние над Румынией, Болгарией, Венгрией и Югославией в придачу. Ничего не скажешь, справедливый и щедрый обмен! Что касается присутствия на выборах наблюдателей, то ты слишком преувеличиваешь их значение. Они будут контролировать чисто техническую сторону дела, но ни один из них не сможет оградить поляков от давления со стороны Советов. Под дулами автоматов русских солдат, под нажимом местных коммунистов и страхом репрессий со стороны НКВД они проголосуют так, как будет нужно Сталину... – уверенно вещал Черчилль.

– И как далеко готова шагнуть Британия ради свободных выборов в Польше? – осторожно спросил собеседник.

– Перед Польшей мы в неоплатном долгу с сентября тридцать девятого и должны сделать абсолютно все возможное для блага этой страны. Британия намерена оказать правительству Миколайчика не только политическую поддержку, но и в случае необходимости перебросить в Польшу армию генерала Андерса!

– Стремление к восстановлению демократии, пусть даже в Богом забытой стране – прекрасно, но стоит ли ради этого идти столь далеко? Последствия подобных шагов могут иметь весьма неблагоприятные последствия для нашей страны, – с опаской промолвил Стэмплтон.

– Риск в борьбе с русскими всегда существует, но зато выигрыш сторицей окупит все понесенные затраты! Посудите сами. Освободив Польшу от русского влияния, мы полностью перечеркиваем все успехи русских в Восточной Европе за последний год. Старая лиса Бенеш и румынский король Михай не будут столь откровенно смотреть в рот Сталину. Мы сможем восстановить свое влияние в Венгрии и сумеем здорово охладить пыл балканских коммунистов Тито и Димитрова. Кроме того, освобождение Польши придаст силы антисоветскому подполью в Прибалтике и украинским националистам на Западной Украине. Это очень важные факторы, и каждый здравомыслящий политик должен с ними считаться.

Закончив говорить, Черчилль отложил сигару и с интересом посмотрел на собеседника в ожидании его контраргументов. И они незамедлительно последовали.

– Мне кажется, что не стоит ради демократизации Польши доводить дело до такой крайности, как война с русскими. Эти пустоголовые ясновельможные паны не стоят того, чтобы

ради них проливалась кровь британских солдат. На мой взгляд, решение польского вопроса нужно попытаться осуществить мирным путем, опираясь на Америку, где довольно сильное польское лобби. Кроме того, сейчас в Белом доме не Рузвельт, а Трумэн, и какими бы ни были значимыми успехи Сталина в Европе, он вряд ли решится на конфликт с Америкой.

– Не стоит сильно рассчитывать на американцев, Чарльз. Они отнюдь не добрые соседи, что при пожаре дадут вам свой садовый шланг и ничего не потребуют взамен. Спасая Британию от немецкого разгрома в начале войны, мистер Рузвельт не забыл ненароком приставить к моему виску дуло револьвера и заставил подписать созданную им Атлантическую хартию. Она – смертный приговор всей нашей колониальной системе, без которой Англия не может претендовать на роль мировой державы. Играя роль джентльмена, за годы войны Рузвельт не прибегал к шантажу при решении спорных вопросов между нашими странами, но нет никакой гарантии, что Трумэн сохранит эту линию поведения. Вполне возможно, у нашего «старшего брата» есть свои планы в отношении Польши, сильно разнящиеся с нашими планами, а также неизвестна цена их поддержки в этом вопросе.

– Может, следует попытаться найти с маршалом Сталиным разумный компромисс для наших интересов. В Ялте он неоднократно говорил, что компромисс весьма полезная вещь. Не думаю, что после таких огромных потерь, что понесли русские в этой войне, он не будет стремиться к мирной передышке... – продолжал не соглашаться с премьером Стэмплтон, чем вызвал неожиданную вспышку гнева у собеседника.

– Да как вы не поймете, Чарльз, что Сталин откровенный враг нам и нашим интересам! И враг очень и очень опасный! – гневно выпалил Черчилль, начиная терять самообладание. – Все время, что находится у власти, он только и делает, что подобно танку давит по нашим интересам. А в последние пять лет особенно! Во всех делах, которые я с ним веду, находясь на посту премьер-министра, он неизменно получает для своей страны хоть минимальную, но выгоду. И делает это так, что, даже отказывая ему в той или иной просьбе, я наношу Британии вред. А если соглашаюсь, то наношу стране вред в два, а то и три раза больше! Мне надоело постоянно ублажать Сталина за счет наших интересов!! – выкрикнув эту яростную тираду, Черчилль вскочил с места и, пытаясь унять предательскую дрожь в руках, вцепился в спинку своего кресла. Лицо его покраснело от гнева, глаза пылали огнем негодования, а губы скривились в злой гримасе. Черчилль попытался совладать с собой, но не смог удержаться и метнул в Стэмплтона полный недовольства выразительный взгляд.

– Простите меня, Уинстон, но мне кажется, вы несколько перебрали с употреблением алкоголя, – изумился Стэмплтон.

– Нет! – энергично запротестовал Черчилль. – Перед вашим визитом я позволил себе промочить горло глотком бренди, но не более того.

Решительно одернув на себе пиджак, он вернулся на место и продолжил беседу.

– Вас, конечно, напугала возможность военного конфликта с русскими, но поверьте мне, его не стоит бояться. По твердому убеждению наших военных сейчас самая благоприятная обстановка для проведения маленькой победоносной войны с последующим заключением мира на выгодных для нас условиях. Нынешнее расположение наших войск в Германии очень удобно для нанесения внезапного удара по русским армиям, которые после взятия Берлина и Праги понесли серьезные потери в живой силе и особенно в танках. Кроме этого, выполняя ялтинские договоренности, Сталин начал переброску своих войск на Дальний Восток для войны с Японией. По данным разведки она уже началась из районов Прибалтики, Восточной Пруссии, готовятся к переброске некоторые части из Германии и Чехословакии.

Черчилль уверенно загибал свои толстые пальцы в кулак, которым намеревался исподтишка ударить Сталина.

– Есть еще один немаловажный факт. После подписания немцами капитуляции русские солдаты и офицеры не готовы к началу новой войны. Они активно насилюют немок, лихо грабят

бургеров и с нетерпением ждут возвращения домой. Если по ним нанести удар, то он ошеломит их и деморализует ничуть не меньше, чем удар Гитлера 22 июня 1941 года. Пока они будут приходить в себя и обретут боеспособность, мы уже будем за Одером, и если господь Бог будет милостив к нам, возьмем Варшаву. А это уже совсем иные условия для мирных переговоров.

– В ваших словах, Уинстон, безусловно, есть определенный резон, да и в компетентности наших военных не приходится сомневаться, но есть один очень опасный нюанс. Начав войну против Сталина, не окажемся ли мы один на один с русским медведем? Поддержат ли нас американцы? Ведь наши европейские дела для них гораздо менее важны и интересны, чем победа над Японией.

– Вы абсолютно правы дорогой, Чарльз, задавая этот вопрос. Американцы хорошие ученики. Они быстро научились превыше всего блюсти свои интересы и вступать в войну в ее окончании, а не в начале. Однако во всем остальном искусстве большой дипломатии они все еще дети... – снисходительно произнес Черчилль. – Начав активные действия против русских, мы постараемся сделать это так, что Трумэн не сможет остаться в стороне при всей своей заинтересованности в русских. Мы поставим его перед свершившимся фактом и не позволим остаться в стороне от нашей схватки со Сталиным.

– При всей моей уверенности в вашем высоком искусстве политика, я не совсем уверен, что англичане также дружно пойдут за вами воевать против Советов, как в сороковом году они пошли сражаться против Гитлера. Они видят в них союзников и, подобно русским, желают мира и не простят вам пролития новой крови, – выложил свой последний козырь сомнений Стэмплтон.

– А вот здесь вы глубоко ошибаетесь, дружище, впрочем, как и все англичане, – торжественно изрек Черчилль. – Воевать с русскими будут немцы, а мы только будем помогать им бороться с ними! Сдавшиеся к нам в плен соединения вермахта по моему тайному приказу все еще не разоружены. Все они находятся в полевых лагерях и проходят постоянную военную подготовку. Представьте, семьсот тысяч человек стоят с винтовкой у ноги и только ждут приказа идти в бой против русских. И смею вас заверить, они будут драться за свои города и близких ничуть не хуже, а возможно и лучше, чем они дрались при Адольфе.

– Браво, браво! Такого нестандартного хода никто из наших дорогих союзников наверняка не ожидает. Снимаю шляпу перед вашим талантом, Уинстон. Очень сильный ход, способный оказаться решающим аргументом в споре за Польшу... – негромко похлопал в ладоши Стэмплтон. – Во всем, что вы мне изложили, я вижу только одну слабую сторону – это Трумэн. Мне приходилось встречаться с ним в сорок втором, в Квебеке, и он оставил не совсем приятное впечатление. В отличие от Рузвельта, всегда оставлявшего оппоненту путь к почетному отступлению, Трумэн действует ограничено прямолинейно, если не сказать по-хамски. Типичный ковбой конца прошлого века, который сначала стреляет, а затем смотрит, в кого он выстрелил. Такой человек может взбрыкнуть в самый ответственный момент, не столько из-за политического разногласия, сколько из-за личного гонора.

– Мне всегда нравилась ваша проницательность, Чарльз. Гонор и самомнение у Гарри Трумэна действительно есть. Уже сейчас он считает себя знающим специалистом, как в области международной политики, так и в ведении войны, но я принял определенные меры. Завтра у меня встреча со Старбеком и Кэнингемом. У них имеются хорошие связи с теми, кто финансировал предвыборную кампанию мистера Трумэна и, следовательно, имеет определенные рычаги влияния на него. Без их денег он никогда бы не стал президентом Америки... – многозначительно сказал Черчилль, и Стэмплтон согласился с ним. – Думаю, янки заинтересует предложение получить большую часть германского пирога с тарелки Сталина. Нам будет вполне достаточно северного побережья Германии при полном господстве наших войск во всей Польше.

– Не могу сказать, что я в полном восторге от ваших новых идей, Уинстон, но вынужден признать, что исполнение их пойдет на пользу интересам британской нации, – вынес свой вердикт Стэмплтон.

– Еще как пойдет! – горячо заверил его Черчилль. – Нужно только действовать решительно, без всяких колебаний, и тогда мы надолго отобьем у мистера Сталина желание совать свой нос в европейские дела.

Когда гость покинул кабинет премьер-министра, изнывающий от жажды Черчилль налил в стакан бренди и торопливо отпил из него глоток. Затем подошел к каминной полке и устремил пылкий взгляд на фотопортрет, стоявший в скромной темной рамке.

Летом сорок четвертого, когда русские войска вошли на территорию Польши, Сталин прислал британскому премьеру на память свой портрет. Старый ястреб без особого труда понял скрытый намек, заключенный в столь необычном подарке советского лидера.

Двадцать лет назад Антанта в лице французов и англичан выстроила вдоль границ Советской России «санитарный кордон», состоящий из Финляндии, Польши и Румынии. Он был призван надежно прикрыть Европу от большевиков в случае большой войны. Вступая на земли Восточной Европы, Сталин приступал к выстраиванию своего собственного «пояса безопасности», в котором новой Польше отводилась главная роль. Об этом он известил своего «заклятого» союзника, послав ему в подарок свой портрет, и тогда, Черчилль был вынужден проглотить эту горькую пилюлю.

Поставив сталинский подарок на каминную полку, Черчилль поклялся непременно отомстить советскому лидеру, и вот теперь, по его мнению, эта минута настала. Хищно улыбнувшись изображению соперника, британский премьер величественно отсалютовал бокалом и торжественно произнес:

– Мы еще поборемся с вами, мистер Сталин!

Глава II

По ту сторону Большого пруда

Уютно устроившись в президентском кресле Овального кабинета, мистер Гарри Трумэн усердно занимался государственными делами. По воле случая, оказавшись во главе великой страны, выходец из Миссури просто жаждал активной деятельности. Каждый день своей новой службы он вставал только с одним желанием: как можно скорей выйти из тени своего великого предшественника и заставить окружающих перестать сравнивать его с покойным Рузвельтом. Стереть со своего лба тавро вице-президента и стать полноправным правителем Америки – это была идея фикс 33-го президента США.

Пройдя хорошую школу жизни в политических кругах Миссури и Вашингтона, Трумэн хорошо понимал, что быстро изжить этот комплекс неполноценности он сможет только громкими военными победами. Это обстоятельство полностью совпадало с его давним тайным желанием доказать окружающим, что знание военного дела отставного майора ничуть не хуже знаний генералов, воюющих с Гитлером и микадо.

Его первым шагом на военном поприще стал приказ о бомбардировке японских городов зажигательными бомбами. Сама идея такого вида борьбы с врагом в военных кругах была хорошо известна. Новоявленный главнокомандующий американских войск без всякого стеснения позаимствовал ее у немцев, которые в начале войны буквально завалили своими «зажигалками» польские, английские и советские города.

Бомбардировки зажигательными бомбами Токио, в котором большинство построек было деревянными, по мнению Трумэна, были беспроблемным ходом. Вид ужасной огненной смерти должен был сломить боевой дух японцев и заставить их просить мира.

Затаив дыхание, он ждал положительного результата своего «гениального» приказа, но так его и не дождался. Вопреки расчетам просвещенного американца дикие японцы совершили абсолютно нелогичный поступок. Вместо того чтобы гневно и громко роптать и посредством бунта принудить своего императора прекратить войну, лишенные крова люди смиренно приняли обрушившиеся на них невзгоды войны.

Трумэн очень сильно переживал свое неудачное возвращение на военную стезю. Читая сводки боевых действий, он откровенно завидовал генералам Эйзенхауэру и Макартуру, успешно громившим врагов Америки в разных частях земного шара.

Единственное, что успокаивало его душу, так это тот факт, что прославленные генералы одерживали свои победы под его верховным руководством. Кроме того, пользуясь правом главнокомандующего, он мог карать или миловать любого из них, руководствуясь исключительно собственным мнением. А наказывать всегда было за что. Это он хорошо усвоил за годы службы в армии.

Некоторое облегчение его уязвленной гордыне принес небольшой конфуз, случившийся с генералом Эйзенхауэром в конце войны в Европе. Попав на удочку пропаганды доктора Геббельса и ловкой дезинформации Сталина, штаб генерала Эйзенхауэра был убежден, что на юге Баварии создан мощный укрепленный район под названием «Альпийский редут». Туда, по данным разведки, намеревался прибыть Гитлер, поручив оборону Берлина Геббельсу, а север отдать под командование адмирала Деница.

Ожидалось, что бои за Альпийский редут будут затяжными и кровавыми. Потому для штурма этой твердыни Эйзенхауэр бросил лучшие соединения американской армии и большое количество авиации, отказавшись от первоначального плана взять столицу Германии раньше советских войск.

Как Черчилль ни убеждал, ни умолял американского генерала изменить свое решение, все было напрасным. Приняв решение взять последний оплот немцев, Эйзенхауэр упрямо стремился на юг, где его ожидало сильное разочарование. Вместо неприступной крепости в горных отрогах Баварии янки нашли распутившиеся фиалки, до смерти перепуганных местных бюргеров и малочисленные гарнизоны, которые без единого выстрела сложили свое оружие. Грозный рудотояг пал без всякого сопротивления, поскольку никаких оборонительных сооружений там не было и в помине. Единственно, кто стрелял при появлении американцев, были эсэсовские фанатики, которые большей частью стреляли себе в лоб, боясь справедливого возмездия.

В качестве утешительного приза американцы захватили в Баварии золотой запас имперского банка Германии и сидевшего под домашним арестом рейхсмаршала Геринга. Кроме этого, им достался весь запас урановой руды немцев, емкости с тяжелой водой, центрифуги, а также доктор Вернер фон Браун. Именно его межконтинентальные ракеты Фау-9, согласно плану Гитлера, должны были упасть на Нью-Йорк во второй половине сорок пятого года.

К трофейному золоту, почти четверть которого составляли средства казненных нацистами людей, была немедленно приставлена охрана и финансовые контролеры. По праву победителей американские офицеры содрали с парадного мундира Геринга все его награды, включая единственный экземпляр Большого Железного креста. Та же участь постигла и платиновые погоны рейхсмаршала, что сильно его оскорбило.

Отвечающие за проведение операции «Скрепка» агенты немедленно вывезли в Америку свои атомные трофеи. Начиная от урана и тяжелой воды и кончая научным персоналом, за что получили специальную благодарность от Конгресса. Что касается доктора фон Брауна, то победители не в полной мере представляли себе то направление вооружения, которым занимался их пленник. Ракеты Штатам были совершенно не интересны. Янки свято верили в мощь своей бомбардировочной авиации, способной поставить на колени любого врага.

Наглядной демонстрацией силы воздушного флота Америки, как для врагов, так и для союзников, стала бомбардировка Дрездена в феврале сорок пятого года. Тогда за пару часов массированного налета огромный город был превращен в груды сплошных руин. Под бомбами американцев погибло свыше ста пятидесяти тысяч ни в чем неповинных мирных жителей.

Поэтому в услугах немецкого гения ракет не очень нуждались, но на всякий случай решили перебросить его за океан вместе со всем запасом «Фау-2» из заводов Нордхаузена. Сделано это было не столько ради конкретной цели, сколько из желания осадить не в меру ретивых русских парней, решивших, что они могут на равных говорить с англосаксонским миром.

По этой же причине Америка и Англия направили в Потсдам на подписание акта полной капитуляции Германии перед союзниками второстепенных лиц. Зачем генералу Эйзенхауэру и фельдмаршалу Монтгомери лететь в Берлин, если от имени союзников они уже приняли капитуляцию немцев в Реймсе. Пусть русские будут рады тому, что ради этого дела им предоставили фельдмаршала Кейтеля, покорно сложившего свой жезл к ногам победивших его американцев.

Когда в Белый дом пришло сообщение о том, что с Германией, столько лет наводившей на Америку страху, покончено, Трумэн поспешил использовать эту весть для собственной выгоды. Взяв в руки небольшой звездно-полосатый флажок, он смело вышел на бушующие от радости и восторга улицы американской столицы.

В белом костюме со строгой черной бабочкой, Трумэн гордо шел впереди колонны военных с видом подлинного триумфатора, одержавшего заслуженную победу над «коричневой чумой». Он шел так, как будто все годы борьбы с Гитлером был верным единомышленником и активным помощником президента Рузвельта. Словно вместе с ним изо дня в день, плечом к плечу усердно ковал победу над врагом, и вот теперь с полным правом принимает поздравление с заслуженной викторией.

Вальяжно помахивая рукой в сторону отряда кинооператоров, снимавших его торжественный выход, хищно улыбаясь подобно птеродактилю, Трумэн цвел и пах под восторженные крики толпы. Без капли смущения он надел на себя чужой лавровый венок и именно в тот момент сам впервые поверил в то, что он действительно может быть самостоятельной фигурой в мировой политике.

Это был самый замечательный день в жизни простого уроженца Миссури, по воле больших денег ставшего 33-м правителем Штатов, однако все хорошее быстро кончается. Подарив мир Европе, Америка должна была даровать его и Азии, но на Тихом океане дела шли не столь блестяще, как того хотелось Вашингтону.

Готовясь осуществить высадку на Японские острова с целью принуждения Токио к миру, американцы решили создать себе удобный плацдарм перед решающей схваткой. Просто так десантироваться, не имея твердого тыла, без достаточного прикрытия корабельной артиллерии и авиации, солдаты дяди Сэма не были готовы. После тщательных расчетов и раздумий было решено использовать остров Окинава, идеально подходивший для этой цели. Расположенный всего в пятистах километрах от Японии, он был очень удобным трамплином для американских самолетов и морской пехоты.

Для выполнения планов американского главнокомандующего было привлечено огромное количество кораблей и самолетов. Они должны были создать максимально благоприятные условия для захвата Окинавы силами корпуса морской пехоты США. Опираясь на силу этой могучей армады, 1 апреля 1945 года, американские пехотинцы лихо начали операцию «Стальной тайфун», но вскоре прочно завязли в позиционных боях с противником. Дни шли за днями, недели сменялись неделями, потери морпехов неуклонно росли, а вот их успехи можно было разглядеть только на крупномасштабной карте.

В основном вооруженные стрелковым оружием и легкой артиллерией, японские солдаты оказывали упорное сопротивление отважным сынам Америки, за спинами которых надрывались танки, ревели самолеты и грохотала корабельная артиллерия.

Так в ожесточенной борьбе прошел апрель, закончился май и наступил июнь, но звездно-полосатый флаг так и не был поднят над всей Окинавой. Обращаясь к нации по радио по поводу прекращения войны в Европе, Трумэн высказал надежду, что в скором времени мир наступит и на берегах Тихого океана. Эти слова вызвали у простого народа бурный восторг и ликование. Рейтинг популярности нового президента стремительно рванул вверх. Получив две звонкие пощечины от коварных азиатов в Пёрл-Харборе и Яванском море, американская нация жаждала окончательной сатисфакции, которая затянулась на долгие четыре года.

Связанный публичным обещанием скорого завершения войны, Трумэн никак не мог обмануть ожидания своих избирателей. Каждое заседание с Объединенным комитетом начальников штабов он только и делал, что подталкивал военных к скорейшему завершению войны, но усеянные звездами и орденами генералы никак не хотели ему помочь в этом. Каждый раз они со скорбным видом перечисляли понесенные на Окинаве американской армией потери, попутно давая объяснения причин постигших их неудач, и обещали все исправить в скором времени.

Поначалу Трумэн терпеливо выслушивал эти речи, но когда наступил июнь, его терпение иссякло. Последней каплей стало сообщение о снижении популярности президента согласно очередным опросам. Дело принимало неприятный оборот, и Трумэн решил строго спросить со столь высокооплачиваемых стратегов и тактиков. На очередной встрече с военными, не дав председательствующему генералу открыть рот, президент потребовал четкого и ясного ответа на вопрос, когда армия намерена завершить войну с Японией.

То, что он услышал, потрясло его до глубины души. После недолгого совещания, скромно потупив глазки, генерал заверил, что сопротивление врага на Окинаве будет подавлено, скорее всего, к концу июня – началу июля. Что же касается высадки американских войск на главный

остров Японского архипелага Хонсю, то Объединенный комитет начальников штабов планирует это сделать в начале ноября этого года. Учитывая упорное сопротивление японцев на Окинаве, господа военные ожидали на Хонсю длительные затяжные бои.

– Что вы хотите, мистер президент?! – горько посетовал генерал. – Нам противостоят отчаянные головорезы и убежденные фанатики. Им нисколько не жаль ни своей, ни чужой жизни. Каждый из них готов умереть ради славы своей страны и божественного микадо. С ними невозможно воевать, опираясь на общепринятые нормы ведения войны.

Этот стон цивилизованного человека нашел отзыв в сердце Трумэна, но не смог погасить гневного взора политика, пылавшего из-под роговых очков. Теплота и понимание были не чужды президенту, но только не в деловых отношениях.

– Каковы ваши прогнозы относительно предполагаемых потерь наших войск при захвате острова Хонсю? – холодно спросил у генерала отставной майор. От этого вопроса оживший было стратег вновь впери́л взор в лежавшие перед ним бумаги.

– Согласно заключению наших экспертов, при захвате острова Хонсю они составят минимум пятьдесят тысяч убитыми и ранеными. В эту цифру не входят потери, которые понесет наша армия при штурме Токио. Фанатизм японцев очень трудно поддается подсчету, – пояснил Трумэну генерал, пытаясь упредить гневную вспышку его глаз, но не смог. Озвученная им цифра никак не устраивала президента.

– Высадка морской пехоты на Хонсю у вас запланирована на ноябрь, когда же вы намерены занять оставшиеся острова?!

– К осени будущего года, господин президент. Но если японцы уйдут в горы и начнут партизанскую войну, на их полное умиротворение нам понадобится несколько лет.

От озвученных прогнозов президент побагровел. Подобный срок ставил жирную точку на всех его планах и начинаниях. За неудачника американский избиратель никогда не проголосует.

– Так считаете вы и ваши эксперты?! – гневно процедил Трумэн, крепко сжав в пальцах карандаш, которым до этого делал пометки в блокноте. Зло прищури́в глаза, он уже знал, что сделает с этим вестником несчастья, но генерал оказался крепким орешком. Выпускник Вест-Пойнта умел не только воевать, но лавировать среди опасных рифов в высоких кабинетах.

– Нет, мистер президент. Это мнение генерала Макарура, изложенное им в специальной докладной записке... – чиновник в погонах проворно зашуршал бумагами в папке и извлек из них нужный документ.

Услышав имя человека, бывшее на устах у всего американского народа, Трумэн от злости сломал карандаш и бросил его обломки на стол. С освободителем Филиппин нужно было считаться. Захлопнув блокнот, он прервал заседание и, холодно попрощавшись, удалился, источая в сторону «медных котелков» флюиды гнева и негодования.

Для быстрого и коренного перелома в войне с Японией, а также для спасения своей карьеры нужно было новое средство, гораздо более эффективное, чем американская армия. И такие средства в распоряжении американского президента имелись.

Первым, как бы это ни странно звучало, был Советский Союз. На мирной конференции в Ялте Рузвельт сумел выторговать у Сталина обещание, что Россия вступит в войну с Японией через три месяца после капитуляции Германии. Главный удар советских войск должен был обрушиться на Квантунскую армию, главную сухопутную силу Японской империи. Ее разгром твердо гарантировал завершение войны еще до конца года при минимальных потерях со стороны американских войск.

В оплату своих услуг в войне с Японией Сталин потребовал от Рузвельта Сахалин, Курилы и Порт-Артур, с КВЖД в придачу. Для Америки это были вполне приемлемые требования. Русские получали довольно скромные приращения к своим территориям, которые никак не затрагивали стратегические и финансовые интересы Вашингтона.

Все было прекрасно, но только для Америки Франклина Рузвельта. Для Америки Гарри Трумэна, с первых же дней принявшегося с усердием закручивать гайки американо-советскому сотрудничеству, просить о помощи Сталина было очень даже не с руки. Этим самым, по мнению президента, Соединенные Штаты не только демонстрировали свою слабость в борьбе с Японией, но и де-факто признавали появление в мире второй сверхдержавы, что для Трумэна было совершенно неприемлемо. Тем более что он совершенно не собирался выполнять обещание президента Рузвельта разделить Японию на четыре зоны оккупации, подобно Германии, а также передать Советскому Союзу Хоккайдо и северную часть острова Хонсю.

Скальп японского императора должен принадлежать только американской армии и никому иному, иначе могут возникнуть неприятные вопросы, кто победил дальневосточного тигра. В войне на востоке Трумэн собирался просить русских Иванов придержать свинью, пока янки будут резать ей горло, лишь в самом крайнем случае.

Вторым, более приемлемым и достойным, средством по принуждению к капитуляции японцев являлся секретный проект под кодовым названием «Манхэттен». Суть его заключалась в создании совершенно невиданного ранее нового вида оружия. Оно было способно уничтожить огромное количество людей и произвести ужасающие разрушения посредством взрыва одной небольшой бомбы.

Это обещание ученых мужей для большинства американских политиков, исповедующих здоровый прагматизм, звучало откровенно фантастично и неубедительно. Почти все они сочли слова об атомном проекте явной авантюрой, за исключением президента Рузвельта. Главный американский миротворец и друг всех детей мира в начале сорок третьего года согласился выделить деньги на создание этого смертоносного оружия.

Со всего мира в Америку были собраны лучшие умы, способные разбираться в сути ядерных процессов. В самых современных лабораториях того времени, под завесой полной секретности они принялись создавать технологию обогащения урана и превращения его в оружейный плутоний. Не покладая рук, они проработали почти два года и уже стояли на пороге величайшего открытия, потратив на это дело из государственного бюджета Америки почти два миллиарда долларов.

Прижимистый Трумэн схватился за сердце, когда увидел, в какую чудовищную сумму обошлось чудачество его предшественника. Подобно Гитлеру, он захотел закрыть столь дорогой проект, не давший стране быстрой отдачи, но курирующий проект генерал Гровс сумел убедить президента не делать этого.

Аргументы военного человека, так плотно сроднившегося с тайным проектом, тронули разум Трумэна, и он согласился подождать результатов исследования до начала августа сорок пятого года. Именно к этому сроку заседавшие в Лос-Аламосе ученые должны были доказать, что они не зря пользовались финансовыми благами великой Америки.

Поэтому сразу после разговора с «медными котелками» обозленный Трумэн пригласил к себе генерала Гровса, желая узнать последние новости из лабораторий Лос-Аламоса.

– Я с большим уважением отношусь к той ученой компании, что трудится в Нью-Мексико под вашим неусыпным контролем, генерал. Вы постоянно говорите, что там собраны самые лучшие умы мира, работающие на благо нашей великой страны. С середины апреля они постоянно твердят, что стоят на пороге открытия, способного перевернуть весь мир, но мне очень не терпится узнать, когда конкретно их прозорливое дитя даст обещанный прорыв?! – с места в карьер поинтересовался Трумэн, едва только Гровс переступил порог его кабинета.

– Если бы вы спросили меня про пушки и снаряды, про число солдат, охраняющих их лабораторию, или степень секретности, я бы дал вам исчерпывающую информацию, сэр. Однако что касается формул и рассуждений о способах расщепления атомного ядра, то здесь я бессилён. Все они подобны мантрам и заклинаниям индейских шаманов, которые мы слышим, но не можем познать их смысл и способ действия.

– Вы очень верно сказали, Гровс. Смысл их речей нам совершенно непонятен, и приходится верить этим яйцеголовым господам на слово. Я был бы совсем не против этого, если бы цена их слов не упиралась в астрономическую сумму – два миллиарда долларов. Это очень высокая цена для ничем не обеспеченных заверений, вы так не находите, генерал?

– Готов подписаться под каждым вашим словом, господин президент, если бы разговор шел только о новом виде танка, самолета или подводной лодки, однако в Лос-Аламосе создается оружие, которое обеспечит нашей стране мировое господство на долгие и долгие годы, – многозначительно сказал Гровс, но Трумэн отмахнулся от его слов как от надоедливой мухи.

– Все это красивые рекламные слова. Покажите мне эту бомбу, явите мне ее мощь, дайте пощупать товар руками!

– Хочу напомнить вам, мистер президент, что у вашего предшественника был особый нюх на новые виды вооружения. Только благодаря его прозорливости с конца тридцать девятого года мы раньше всех стали на смену линкорам строить авианосцы. Уверенный в правильности своего выбора, он продавил сопротивление конгресса и сумел выделить на строительство авианосцев миллионы долларов. Только благодаря президенту Рузвельту мы встретили войну с Японией, имея свыше пятидесяти авианосцев различной модификации, что позволило удержать контроль над Тихим океаном даже после Пёрл-Харбора. Точно так же я уверен в правильности выбора президента Рузвельта относительно атомного проекта. Он весьма необычен, фантастичен, но именно он твердо гарантирует Америке мировое господство на ближайшие десять лет.

Гровс говорил это с такой твердой убежденностью, что Трумэн не решился вступать с ним в дискуссию. Отказавшись от тактики прямого кавалерийского наскока, он решил подойти к проблеме неимоверно дорогого проекта с другого конца.

– Вы в этом проекте с самого начала, Гровс, скажите, против кого президент Рузвельт собирался применить новое оружие? Ведь вы, несомненно, обсуждали с ним этот вопрос.

– Конечно, сэр. Этот вопрос стоял на повестке с самого начала проекта, когда он был еще только на бумаге. Президент Рузвельт говорил, что проект создается для сдерживания любого конкурента Америки за победу в нынешней войне. Без разницы, будь это немцы, русские, японцы или даже англичане.

– Вот как? Расскажите поподробнее, Гровс.

– Охотно, мистер президент. Сразу после Пёрл-Харбора планировалось сбросить бомбу на Японию, используя полет в один конец с посадкой самолета на территории Китая или России. Затем, по мере того как флот смог отодвинуть от наших берегов угрозу японского вторжения, цель использования атомного оружия изменилась. Ею стала Германия. Немцы очень яростно сражались с русскими и англичанами, и исход их борьбы до начала сорок четвертого года был совершенно не ясен. К тому же, по данным нашей разведки, немецкие ученые стали активно продвигаться к созданию собственного атомного оружия. Предполагалось сбросить атомную бомбу на Берлин или на любимую виллу Гитлера в Бергхофе, когда он отправится туда на отдых. С этой целью в Германию были заброшены специальные агенты, по сигналу которых из Англии должен был вылететь бомбардировщик с атомной бомбой на борту.

Трумэн слушал рассказ Гровса с большим интересом. Все сказанное генералом было для него совершенно неизвестно. Белый дом умел хранить свои тайны, скрупулезно ограничивая число лиц, посвященных в секретный проект.

– Так продолжалось до конца сорок четвертого года. Из агентурных источников стало известно, что благодаря диверсии на заводе по производству тяжелой воды в Норвегии немецкий атомный проект испытывает серьезные трудности и вряд ли будет способен устранить их к середине сорок пятого года. Тогда же стало понятно, что нашими главными конкурентами за право устройства послевоенного мира стали русские, и цели вновь поменялись. После Арденн и выхода русских армий к Одеру президент Рузвельт приказал усилить работы над проектом

«Манхэттен». Он очень надеялся, что к началу последней мирной конференции у него будет дубинка, при помощи которой он сумеет укротить непомерные аппетиты дяди Джо.

– Честное слово, я сделал бы то же самое, Гровс, – усмехнулся Трумэн, – мистеру Сталину совсем не помешал бы отрезвляющий удар по рукам такой дубины. Но будет ли она готова к мирной конференции в Германии?

– Если последние испытания завершатся успешно, то согласно заверениям профессора Оппенгеймера окончательный результат работ следует ждать ко второй половине июля, – торжественно доложил Гровс.

– Вторая половина июля – это обнадеживающий срок, но скажите честно, Гровс, вы верите в это?

– Да, мистер президент. За все время общения с физиками я немного научился разбираться в их поведении и могу твердо сказать, они сами верят в реальность указанных сроков.

– Прекрасно, прекрасно. Значит, в начале августа нужно будет выбрать место целесообразного применения нашего нового оружия.

– Против кого вы хотите применить бомбу, против русских, сэр? – с опаской в голосе спросил Гровс, но собеседник успокоил его.

– Нет, не против русских. С дяди Джо будет вполне достаточно одной только демонстрации действия нашего нового оружия. Так сказать, скрытое, но очень явное предупреждение, – хищно улыбнулся Трумэн. – Бомбу следует применить против японцев – и чем быстрее, тем лучше. Для Америки война с микадо в сто раз важнее всех европейских дел, вместе взятых.

– Слава богу, что вы решили не применять ее против Англии, – пошутил генерал, но президент не поддержал его тона.

– Если будет нужно, то применим и против нее. Англия ничем не лучше остальных стран мира, хотя и является нашим ближайшим союзником. Господин Черчилль поет мне дифирамбы, а сам пытается вести свою игру в Европе. По данным нашей разведки, англичане так и не разоружили немецкие части, сдавшиеся к ним в плен. Возможно, он намерен сделать из них козырь на встрече со Сталиным, но это идет вразрез с нашими планами и намерениями. Думаю, следует ограничить своеволие Черчилля и твердо указать ему место в нашем кильватере. Президент Рузвельт слишком долго играл в джентльмена с этим обанкротившимся британским лисом.

– Вы совершенно правы, мистер президент. Америка есть Америка, а Англия есть Англия, и не следует путать наши жизненные интересы... – подхватил Гровс. В отличие от Черчилля, он хорошо знал свое место в кильватере президента.

Совсем иная беседа об интересах Англии и Америки состоялась в Нью-Йорке. Туда из Лондона специально приготовленный «Дуглас» доставил двух британских джентльменов с особыми полномочиями от премьер-министра Черчилля. Не имея ни малейшего ограничения в пищевом рационе, в отличие от большинства англичан, джентльмены хорошо перенесли длительный полет над бурными водами Атлантики. За время полета они с истинно королевским достоинством поглощали бекон с яичницей, хрустящие гренки с оливками и запивали натуральным кофе.

Бросив грязные вилки на подносы с остатками еды и утеревшись белоснежными салфетками, британские гости принялись играть в карты. Ставя на кон сущую мелочь, они неторопливо перебрасывались между собой короткими фразами, состоящими из обозначений и определений, понятных только им двоим. При этом они внимательно следили, чтобы ничего лишнего не стало достоянием ушей стюардов, обслуживавших их на всем пути перелета.

Перед самым прибытием в город «Большого яблока» джентльмены приказали подать им по бокалу шампанского, которое было выпито за успех предстоящих переговоров. Поднятие бокалов было своеобразным ритуалом, который часто приносил им удачу. Последний раз

джентльмены поднимали бокалы в конце января сорок пятого. Тогда, через нейтральную Швецию, они летели на тайные переговоры в Германию.

Представляя финансовую элиту Британии, они смогли быстро найти общий язык с такими же представителями деловых кругов Германии. Результатом переговоров была джентльменская сделка. Тайные визитеры гарантировали германским промышленникам сохранение активов их заводов и предприятий в обмен на открытие Западного фронта перед союзными войсками. Добиться подобной договоренности было не так уж трудно. Прекрасно видя скорый крах гитлеровского режима, германские партнеры были весьма сговорчивы и податливы. Спасая собственные интересы, они смогли заставить немецких генералов отступить к Рейну, несмотря на яростное сопротивление со стороны Моделя и Гитлера.

Теперь у джентльменов была иная задача. Предстояло убедить финансовые круги Америки поддержать план Черчилля по внезапному нападению на советские войска в Германии. Вся сложность их миссии заключалась в том, что некоторые представители деловой элиты Штатов видели в Советском Союзе потенциального покупателя американских товаров после окончания войны. Они намеревались вести с русскими мирную торговлю, видя в их необъятном рынке большую выгоду.

Также сильно затрудняло действия британских посланцев и позиция президента Трумэна. По твердому убеждению обитателя Белого дома, Америке сначала предстояло разделаться с Японией и только потом начинать обстоятельное противостояние с Россией. Борьба на два фронта не входила в стратегические планы бывшего сенатора от Миссури.

Одним словом, миссия была трудна, но выходцы из Туманного Альбиона очень надеялись, что у них хватит аргументов и их стрит не будет перебит каре с джокером. Заокеанских визитеров приняли по высокому разряду. В это понятие входил поданный прямо к трапу самолета «Линкольн», отсутствие на выезде из аэропорта паспортного контроля и таможенного осмотра, а также шикарная вилла в пригороде Нью-Йорка. Высоким гостям дали время прийти в себя после столь длительного перелета и назначили деловую встречу только на следующий день. Как бы гости ни крепились, но годы давали о себе знать.

Когда двери гостиной широко распахнулись перед гостями, посланцев Черчилля ждал неприятный сюрприз. Из числа тех, кто приехал на виллу и учтиво пожимал гостям руки, лишь один был представителем финансовой элиты Северо-Востока Америки, обладавшим правом голоса для принятия решения по важным вопросам. Двое других переговорщиков имели более низкий статус, обладая исключительно совещательными функциями. Что касается четвертого визитера, то он был сенатором, и с ним у англичан были довольно натянутые отношения.

После обмена любезностями и разговорами о полете джентльмены сразу перешли к деловой части разговора.

– Господа, смею вас заверить, что причины, заставившие нас отправиться в столь далекое путешествие, важны как для нас, так и для вас. Они важны для всего цивилизованного мира, поскольку у нас есть все основания говорить о появлении новой угрозы его жизненным устоям. Мы прилетели просить у вас помощи против русских, которые намерены подчинить своему влиянию Англию и всю Европу... – напыщенно начал один из джентльменов, и его слова породили усмешку на лице американского сенатора.

– Вы зря так беспечно улыбаетесь, мистер Уэстли. Конечно, сейчас русская угроза стучится только в наши окна и двери, Америка им не по зубам. Но смею вас заверить что, поглотив нас, они не остановятся и по прошествии времени возьмутся и за Соединенные Штаты. Тоталитарная коммунистическая система Сталина по своей сути мало чем отличается от нацистской системы Гитлера. Они обе несут смертельную угрозу свободному демократическому миру, в какие бы идеологические одежды они бы не рядились. Это надо понимать, господин сенатор, – с укоризной произнес англичанин.

– Я прекрасно понимаю, что русские наши главные конкуренты, сэр, – парировал упрек Уэтли, – но мне кажется, что вы несколько сгущаете краски. Все наши агенты из Москвы доносят, что Сталин совсем не собирается вступать в конфронтацию с нами. Их главная задача на ближайшее десятилетие – восстановление разрушенной войной экономики, и с логикой этого решения трудно не согласиться.

– Вы плохо знаете, Сталина, сэр, – взвился британец. – Это двуликий человек, способный одной рукой подписывать мирный договор, а другой готовиться к войне. Его пакт с Гитлером в тридцать девятом – прекрасное тому подтверждение. Говоря о мире, он подчинил своей власти Прибалтику и восточную Польшу, напал на Финляндию и Румынию. Не зря Россию исключили из Лиги наций! Но это в прошлом, а нынешнее положение Европы еще ужаснее. Еще не успели смолкнуть пушки, как господин Сталин вторгся во внутреннюю жизнь своего боевого союзника Англии. Желая устранить с поста премьер-министра господина Черчилля, через агентов влияния он начал свою коварную игру и добился значительных успехов. Наши специальные службы выяснили, что большая часть избирателей Британии намерена отказать в доверии сэру Черчиллю на ближайших выборах.

– И что из этого? Вместо Черчилля премьером станет Эттли или кто-нибудь другой. Ведь коммунисты никогда не смогут получить кресло премьер-министра... – невинно спросил сенатор, чем вызвал праведный гнев у британца.

– Как вы не понимаете, что избрание на первых послевоенных выборах премьер-министром человека, который спас Англию от немецкого вторжения, – нонсенс! Это точный и хладнокровный удар по политическим устоям королевства. Одно дело, когда простые англичане выражают недовольство своим премьером в беседе на кухне, и совсем иное его публичное унижение на парламентских выборах. Как можно отказать в доверии человеку, столько сделавшему на благо своей многострадальной страны?! Как можно отказать в доверии победителю Гитлера?! Это означает, что страна победила врага вопреки действиям премьер-министра! А это очень опасный прецедент! – звенящим от возмущения голосом негодовал посланник Альбиона.

– Уход Черчилля с поста премьера, несомненно, посеет сильную смуту и анархию в умах простых англичан и поколеблет государственные устои. Англичане очень устали от войны, они хотят мира и спокойствия и ради этого готовы на все. При этом совершенно неизвестно, куда может качнуться чаша весов, если русские агенты влияния будут продолжать раскачивать лодку. Сейчас Англия еще может противостоять скрытому давлению агентов Сталина, но наши силы на пределе. Мы не сможем в одиночку спасти Европу от русских, надо что-то делать и делать немедленно... – от избытка чувств на лбу оратора выступил пот, и он поспешил стереть его батистовым носовым платком.

– Скажите, сэр Астон, а насколько достоверны ваши сведения относительно русских агентов влияния в Англии? Может быть, господин Черчилль стал у англичан невольным олицетворением тяжкого бремени войны. При длительной войне надломленность психики вполне возможна, – высказал предположение Уэтли, чем только повысил градус накала у британца.

– Я даю вам слово джентльмена, что сказанные мною слова о тайных русских агентах абсолютно соответствуют истине! – эти слова посланник Альбиона отчеканил столь громко и яростно, что представитель Северо-Востока был вынужден одернуть сенатора.

– Ведите себя достойно, Уэтли. Мы нисколько не сомневаемся в правоте слов мистера Астона, а уж тем более в данном им сейчас слове. Сталин всегда был для нас непримиримым противником, даже когда временно стал нам союзником в борьбе с Гитлером. Ранее у нас с ним были общие интересы, теперь же, когда война закончена и каждый блюдет свои интересы, я нисколько не сомневаюсь, что он попытается извлечь для себя любую политическую выгоду. Скажите, Астон, какую помощь вы хотите получить от нашего правительства?

– Спасибо за понимание, мистер Фриман, – скорбным голосом ответил британец, изображая невинное достоинство, попранное грубым сапогом недоверия. – Мы всегда верили, что наши американские партнеры не останутся глухи к нашим нуждам и чаяниям. Все, что мы просим, это поддержать план мистера Черчилля по предотвращению угрозы, исходящей от советского диктатора. Для этого он собирается нанести мощный удар по советским войскам, находящимся в восточной Германии и вытеснить их на территорию Польши. Не скрою, главная задача этого плана – восстановление в Польше демократии и создание там правительства, разделяющего демократические ценности цивилизованного мира. Однако если даже русские будут только отброшены за Одер, то по агрессивным планам Сталина относительно Восточной Европы будет нанесен сокрушительный удар.

– Вы намерены начать новую войну?! Но вас не поддержит собственный народ! – удивленно в один голос воскликнули молчавшие до этого финансисты, к тайной радости Уэстли.

– Говоря о полномасштабной войне, вы серьезно заблуждаетесь, господа. Разговор идет всего лишь о небольшом скоротечном военном конфликте и только. Что касается народа, то его главной функцией на войне является безропотное служение интересам государства, и ему следует послушно идти за вождем к полной и окончательной победе демократии. Это определение, на мой взгляд, относится к любому народу земного шара.

С мнением Астона о народе не был согласен один из двух американцев. Он уже открыл рот, но его опередил второй англичанин.

– Я прекрасно понимаю, господа, что вы имели в виду, говоря о народе, – начал он противным скрипучим голосом. – Да, народ может иметь свое мнение, отличное от мнения правительства, и это одно из завоеваний демократии. Все верно, но если начать спрашивать мнение народа по тому или иному вопросу, то смею вас заверить, мы можем очень далеко зайти и, в конце концов, потерять власть над ним. Как в Англии, так и в Америке.

– Не будем терять время на словесные упражнения, Морли, – властно изрек Фриман, осаждая взмахом руки обиженного поборника американской демократии. – Меня в гораздо большей степени интересуют военные планы британской стороны, мистер Бишоп. Хватит ли у вас сил разгромить русских до начала осени, и какая роль отведена в этом конфликте американским войскам?

– Охотно отвечу на ваши вопросы, сэр. Главной ударной силой в этом конфликте будут немецкие дивизии, сдавшиеся в плен английским войскам фельдмаршала Монтгомери. Общая численность немецких военнопленных составляет около семисот тысяч человек. Все они размещены в полевых лагерях и могут быть задействованы против русских в любой момент. Главный удар будет нанесен на севере Германии, вдоль балтийского побережья. Второй, большей частью вспомогательный, планируется нанести в районе Лейпцига. Их цель – окружить берлинскую группировку русских или заставить их отойти за Одер. Все, что мы просим на данный момент от американской стороны, это оказать содействие генералу Венку, чьи войска будут действовать в районе Лейпцига. Если же характеризовать в целом наши роли в этом конфликте, то они попадают под определение наблюдателей за действиями желающих взять реванш немцев.

– Блестящая идея! – восхищенно воскликнул Фриман. – Вот подлинное мастерство британской дипломатии, Морли. Решить свои проблемы при минимальных материальных затратах и людских потерях. Давняя идея мистера Черчилля о создании единого фронта западного мира против коммунистов, похоже, начинает сбываться. А как ваши военные оценивают шансы на успех проведения этой операции? Как патриот, я бы охотно послушал мнение Айка, но в этой ситуации меня устроит и мнение ваших генералов, мистер Бишоп.

– Как заверяют представители нашего генерального штаба, операция имеет все шансы на успех. Русские опьянены тем, что стоят в Берлине, Праге и Вене. Они наслаждаются наступившим миром и ничего не подозревают. Наступление немцев для них будет ошеломляющим

ударом. К тому же советские армии понесли значительные потери при взятии Берлина. Его, можно сказать, взяли на последнем дыхании, столь высоки были потери у маршалов Жукова и Конева, – подчеркнул англичанин, и американцы понимающе закивали головами.

– После подписания капитуляции Сталин объявил о скорой демобилизации, и пополнение войск идет совсем не в том темпе, что прежде. Поэтому на первых этапах операции мы не ожидаем серьезного сопротивления со стороны советских частей. После того же как русских отбросят за Одер, в дело вступят дипломаты, но тогда наши позиции будут куда прочнее и предпочтительнее, чем сейчас.

– Ну, а если немецкое наступление будет идти не так, как того вам хотелось бы, примут ли британские войска участие в боевых действиях против русских?

– Да, мистер Фриман. Господин Черчилль готов идти до победного конца, и деловой мир Англии готов поддержать его действия, так как нынешний момент очень благоприятен для нас. Посудите сами. Русские непрерывно наступали по всему фронту с ноября сорок четвертого года и практически исчерпали все свои резервы. Они еще смогли взять Берлин, но для быстрого захвата всей Чехии и севера Германии у них элементарно не хватило сил. Так, в Мекленбурге фельдмаршал Монтгомери выполнил за маршала Рокоссовского большую часть его работы, а в Пльзене танкисты генерала Паттона помогли маршалу Коневу. Сейчас у русского колосса глиняные ноги, и нужен один хороший удар, чтобы повергнуть его.

– Все это хорошо, и я готов принять на веру оценку ваших военных, но всякая услуга требует оплаты. Что британская сторона готова предложить Америке в обмен за ее поддержку в борьбе против Сталина? – поинтересовался Фриман, и сразу на лбу у англичан вновь появились капельки пота. Посланцам Лондона предстояло открыть «большому брату» свои не слишком сильные карты.

– Мы готовы отказаться в пользу Америки от всех территорий советской оккупационной зоны, за исключением Мекленбурга... – произнес Астон. Слова британскому посланнику давались нелегко, ибо он жертвовал священными интересами своей страны.

– Щедрый подарок, – попытался напомнить о своем присутствии сенатор, но быстро увял под требовательным взглядом Фримана.

– Это примерно две трети площади советской зоны, – быстро подсчитал финансист, – надеюсь, в такой же пропорции будет разделена и советская часть германского золота, а также военных репараций.

От такого откровенного грабежа у англичан перехватило дыхание. Изрядно обнищавшая за годы войны Британия очень рассчитывала поправить свое положение за счет советской доли репараций с Германии, но заокеанские союзники беззастенчиво выворачивали им руки. Развалившись в креслах, меланхолично пережевывая жвачку, американцы ждали ответ на свой вопрос о процентах. Сила была полностью на их стороне, и британцам пришлось пойти на уступки.

– Мы согласны на подобный раздел советской доли трофейного золота и репараций, – с трудом выдавил из себя Астон, чем вызвал улыбки на лицах у своих собеседников.

– Приятно иметь дело с деловыми людьми, готовыми платить за необходимую помощь настоящую цену, – примирительно сказал Морли. Англичане молча проглотили свое унижение, но в разговор вмешался Уэстли:

– Все это хорошо, но вы, господа, забыли о президенте Трумэне. Именно он является главнокомандующим американской армии и за ним последнее слово... – сенатор хотел развить свою мысль, но Фриман в который раз оборвал его.

– Среди нас есть люди, которые довольно много сделали для карьеры Гарри, с чьим мнением он будет полностью согласен, – жестко припечатал сенатора финансист, и тот больше не решился встревать в беседу.

– Что же, осталось обсудить разделение причитающихся русским активов с патентами, и дело будет сделано, – подытожил третий финансист, чем вызвал у посланников Альбиона бурю негодования. Подобно девушке, с которой грабители пытаются снять нижнее белье, британцы принялись яростно отстаивать свой процент с общей добычи. Спор об активах продлился добрых сорок минут, прежде чем стороны пришли к общему мнению. Соглашение было достигнуто, и в далекий Лондон полетела шифрованная телеграмма о благополучном выздоровлении заболевшего дяди.

Глава III

Предупрежден, значит вооружен

После неожиданного пришествия в столицу на день парада Победы слякотного и проливного осеннего дождя в Москву вернулось лето. Проказник июнь широко распахнул свои жаркие объятия, пытаясь компенсировать москвичам нанесенный им ущерб во время празднования великого подвига советского народа.

Напоенные летним теплом, весело и приветливо зашумели зеленые кроны деревьев, под лучами солнца заиграла изумрудная трава на многочисленных городских газонах. Запели птицы, громко славя радость жизни, но не это было самым главным. Особым теплом наполняла сердца людей мысль о том, что проклятой войне пришел конец, и теперь они наконец-то смогут вернуться к долгожданной мирной жизни.

Эта мысль была у каждого советского человека, вне зависимости от того, была ли на него надета военная форма или гражданская одежда. Каждый из них стремился, как можно скорей позабыть страшные ужасы войны и окунуться в светлые будни повседневного мирного бытия.

Не были исключением и те военачальники, что томились в приемной Верховного Главнокомандующего, под зорким оком Поскребышева. Еще вчера торжественно отпраздновав Победу, они начали строить планы на дальнейшую жизнь, как вдруг их внезапно вызвали в Кремль без всякого объяснения причин.

Сидя в мягких креслах или осторожно вышагивая по ковровой дорожке приемной и перебрасываясь между собой ничего не значащими фразами, они напряженно думали, что заставило Сталина пригласить их к себе через два дня после столь грандиозного празднования Победы. Собранные и настороженные, они время от времени украдкой бросали взгляды на массивные дубовые створки двери кабинета Сталина.

Последний раз в столь представительном составе они собирались в преддверии парада Победы. Тогда в кабинете вождя Советской страны они обсуждали сценарий проведения грядущего торжества, предложенного на их суд Верховным Главнокомандующим. Однако, хорошо зная характер Сталина, ни один из приглашенных не подумал, что он намерен вернуться к праздничной теме. Срочный вызов маршалов в Кремль говорил только об одном – грядет новая война. Но вот только с кем и когда?

Логичней всего было бы предложить, что предстоящий разговор пойдет о грядущей войне с Японией. О том, что она будет, Сталин рассказал своим полководцам после окончания мирных переговоров Большой Тройки в Крыму. Тогда, собрав командующих фронтов на большое совещание, Сталин попросил их особо беречь свои войска, поскольку после окончания войны в Европе часть их предстояло перебросить на границу с Маньчжурией.

О том, что воевать с японцами Сталин поручил маршалу Мерецкову, генералам Еременко, Пуркаеву и Плиеву, под общим руководством маршала Василевского, командующие фронтами узнали только накануне проведения парада. Режим секретности при подготовке реванша России за поражение в русско-японской войне в Ставке Верховного Командования был на высоте. Однако отсутствие в приемной тех, кому было поручено смыть пятна позора с русских знамен, прямо указывало на то, что предстоящий разговор не будет касаться Японии. Также полностью исключалось начало войны на южных рубежах страны. Никто из вызванных на прием военных ничего не слышал о каком-либо вооруженном конфликте СССР на границах с южными соседями или о территориальных претензиях к ним со стороны советского правительства. И значит, предположение о возможной войне с Грецией, Турцией, Ираном или Афганистаном было лишено всяких оснований. Конечно, чисто теоретически к числу возможных театров боевых действий можно было отнести франкистскую Испанию и салазаровскую Порту-

галию, угнетенную англичанами Индию или оккупированный Тибет, но война давно приучила маршалов к жестокому прагматизму.

Однако не только война могла затаиться за дубовыми дверями кабинета Верховного Главнокомандующего. Вполне возможно, что внезапный сбор цвета Советской Армии был обусловлен грядущей демобилизацией. Третий рейх сокрушен, отгремели победные салюты и фанфары, и уже нет нужды в многомиллионной армии. Стране предстояло как можно скорее приступить к восстановлению разрушенных войной городов, деревень, фабрик и заводов, а для этого ей были нужны рабочие руки, находящиеся в подчинении маршалов. Предстояло решить сроки демобилизации и количество нужных стране солдат, а заодно и пристроить в мирную жизнь и маршалов, чье число заметно разросло за годы войны. Это предположение было вполне похожим на правду, однако и оно имело один серьезный изъян. Хозяин кабинета не был любителем крупных заседаний при обсуждении любого значимого государственного вопроса. Он всегда предпочитал принимать решение в узком кругу, либо при беседе с глазу на глаз. Мирное обустройство маршалов было весьма щепетильным вопросом, и обсуждение его в присутствие третьего лица было недопустимым.

Так или примерно так рассуждали советские военачальники, начиная от командующего Прибалтийским фронтом генерала армии Баграмяна и до победителя Берлина, трижды Героя Советского Союза маршала Жукова. Предположений было много, но ни одно из них не могло полностью объяснить этот неожиданный вызов.

Конец терзаниям и размышлениям военачальников положил короткий звонок по внутреннему телефону, прозвучавший словно гром среди ясного неба. Все это время сосредоточенно перебиравший лежавшие на столе бумаги секретарь проворно схватил трубку, а затем торжественно объявил: «Можете заходить, товарищи».

В хорошо знакомом маршалам кабинете Верховного Главнокомандующего находилось всего два человека. Кроме самого хозяина кабинета, стоявшего у окна и пристальным взглядом глядевшего на вошедших в кабинет полководцев, за покрытым зеленым сукном столом заседаний сидел заместитель начальника Генерального штаба генерал армии Антонов.

На время отсутствия начальника Генерального штаба маршала Василевского, выполнявшего на фронтах страны всевозможные поручения Сталина, генерал Антонов исполнял его обязанности и исполнял их весьма неплохо. Алексей Иннокентьевич был единственным генералом в РККА, награжденным высшим полководческим орденом «Победы».

Скрестив руки на папке красного цвета, в которой всегда носил для доклада документы особой важности, он терпеливо ждал момента, чтобы начать свою рутинную работу генштабиста. Сам хозяин кабинета, обведя маршалов цепким взглядом, негромко поздоровался с ними и неторопливым жестом руки в сторону стола заседаний предложил им садиться.

Еще только заходя в кабинет, каждый из них заметил разложенные на зеленом сукне специального стола военные карты большого масштаба, и всем стало ясно, что разговор у них пойдет о войне. Стоя у дверей им было плохо видно, каких именно стран были эти карты. Идя к столу заседаний, маршалы напряженно гадали о театре будущих военных действий. Маньчжурия, Япония, Турция, Греция, Италия, Испания... И только пройдя вблизи стола, поняли, что на демонстрационном столе лежала карта Германии с нанесенным положением советских и англо-американских войск на момент окончания боев.

Так и не сев в кресло председательствующего, Сталин неторопливо заговорил, делая чуть заметные нажимы на те моменты, которые считал особенно важным. Эта была его излюбленная манера общения, благодаря которой каждое сказанное им слово было хорошо слышно и четко доходило до сознания сидящих за столом военачальников.

– Мы вас собрали, товарищи, по очень важному поводу. Дело в том, что англо-американские империалисты продолжают свое черное дело, которым они втайне от нас занимались с немцами с момента прилета в Англию Гесса. Все время войны они, подобно жуликам на

ярмарке, пытались за нашей спиной сговориться с фашистами о заключении сепаратного мира. Благодаря умелым действиям нашей разведки, мы неоднократно ловили господ союзников на этом нечестном деле, но по вполне понятным причинам были вынуждены только одергивать их, не доводя дело до конфликта. Правда, один раз нам все-таки пришлось крепко ударить их по рукам при разгадывании кроссворда. Мы надеялись, что это будет хорошим уроком для сохранения добрососедских отношений, но оказалось, что мы ошибались.

Сталин замолчал, сделал паузу, давая возможность полководцам полностью осознать смысл произнесенных им страшных слов.

– Уже нет Гитлера, уже разгромлена германская армия и на всей Европе наступил долгожданный мир. Казалось, живи и радуйся, но у господина Черчилля имеются свои, далеко идущие планы. Вопреки здравому смыслу и логике он вновь взялся за старое дело и как опытный поджигатель пытается разыграть, казалось, уже раз и навсегда битую немецкую карту. Из достоверных источников нам стало известно, что англичане вступили в преступный сговор с так называемым правительством Деница и собираются напасть на нас третьего июля этого года. Наши разведчики смогли своевременно вскрыть эти преступные замыслы господина Черчилля и примкнувших к нему финансовых магнатов. Товарищ Антонов, доложите, пожалуйста.

Исполняющий обязанности начальника Генерального штаба убрал руки с папки, раскрыл ее и, чуть откинувшись назад, стал зачитывать бумагу хорошо поставленным командным голосом:

– Согласно сведениям, поступившим по линии разведки из Лондона, британский Генеральный штаб разработал и передал к исполнению в войска план наступательной операции под кодовым названием «Немыслимое». Цель этой операции – нанести внезапный удар по нашим войскам, дислоцированным в северной и центральной части Германии. Используя фактор неожиданности, разгромить их и, отбросив за Одер, продолжить боевые действия на территории Польши. В ходе проведения операции «Немыслимое» предполагается нанесение двух ударов: из района Висмара и Лейпцига по направлению Росток – Шнайдемюль – Быгдошь и Котбус – Познань – Бреслау. Главный удар будет наноситься в земле Мекленбург, силами сводной немецкой армейской группировки с кодовым обозначением «Север» под командованием фельдмаршала Шернера. В районе Лейпцига соединениями 9-й армии генерала Венка вместе с венгерскими военными подразделениями, кодовое обозначение «Центр», будет проведен вспомогательный удар при негласной поддержке американского командования. При осуществлении наступления в качестве войск первого эшелона будут использованы соединения вермахта, ранее сдавшиеся в плен английским и американским войскам. Так, сдавшиеся в плен соединения группы армий «Висла» и соединения армии «Норге» не были разоружены и находятся в полевых лагерях на территории Северной Германии под охраной английских войск.

Войска генерала Венка, сдавшиеся американцам, хотя и разоружены, но также находятся в полевых лагерях вблизи разделительной границы между нашими и американскими войсками. Общая численность немецких пленных, включая норвежскую группировку, составляют семьсот тысяч человек. Так как основное вооружение немцев на данный момент составляет стрелковое оружие, англичане поддержат их наступление огнем своей артиллерии и в случае необходимости авиацией. На южном участке наступления возможно участие в немецком наступлении танков генерала Паттона, но эти данные требуют уточнения. Развертывание войск на исходных позициях начнется первого июля, переход к активным действиям назначено на четыре часа средневропейского времени третьего июля этого года, после получения условного сигнала «Брунхильда». Операция «Немыслимое» санкционирована и разработана по личному распоряжению премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля.

– Что скажете, товарищи? – спросил генералиссимус военных, как только Антонов закончил свое чтение.

– А где гарантии того, что все это не хорошо организованная провокация тех, кто желает сорвать предстоящую мирную конференцию по Германии и внести раздор между нами и союзниками? Я думаю, надо все тщательно перепроверить, товарищ Сталин. Лично у меня большие сомнения относительно этой информации о силе немцев и их союзе с англичанами и американцами. Особенно настораживает направление нанесения главного удара, ведь южный вариант предпочтительнее во всех отношениях. Нет, здесь надо хорошенько разобраться, – сказал Жуков, в памяти которого всплыл один неприятный для маршала эпизод.

В начале июня сорок первого на совещании у Сталина нарком внутренних дел Берия доложил разведданные, полученные на различных участках Западного особого округа. В своих донесениях пограничники подробно перечисляли номера немецких частей и соединений, сосредоточенных на белорусской границе. Из представленного доклада следовало, что война могла начаться со дня на день и главным направлением наступления противника являлась Белоруссия.

Имевший противоположную точку зрения о главном направлении немцев Жуков оспорил представленные Берией данные, сославшись на чересчур подробное перечисление соединений.

– Можно подумать, что ваши агенты имеют всюду свободный проход. Спокойно пересчитывают численность немцев и их вооружение и даже записывают номера воинских частей. Только к немецким генералам в окна не заглядывают! – возмущенно съязвил Жуков, чем вызвал законный гнев наркома, стоявшего стеной за своих пограничников.

Начался бурный обмен колкими мнениями, в котором верх остался за начальником Генерального штаба. Главным направлением предполагаемого немецкого удара осталась Украина, что во многом обусловило страшную трагедию лета 1941 года. Сталин, так же как и Жуков, вспомнил этот давнишний эпизод, но на этот раз у вождя было иное мнение.

– Не думаю, товарищ Жуков, что тут имеет место провокация. Наш источник в Лондоне вполне добросовестный и ответственный человек, не раз доказавший на деле свою компетентность и осведомленность в освещаемых им вопросах. Тем более что сведения, полученные от разведки, сходны с теми, что предоставила нам служба товарища Абакумова. Зачитайте их, пожалуйста, товарищ Антонов.

Алексей Иннокентьевич послушно перелистал несколько страниц папки и невозмутимым голосом стал вновь читать:

– Согласно сообщениям от представителей СМЕРШа 1-го и 2-го Белорусских фронтов за последние две недели отмечена активизация немецко-фашистских соединений, сдавшихся в плен нашим англо-американским союзникам. Особая активность отмечена в английской оккупационной зоне на севере Германии. Находящиеся там в полевых лагерях солдаты под командованием офицеров занимаются строевой и физической подготовкой, проводят учебные стрельбы из винтовок и пулеметов. Все это проходит под наблюдением и с согласия английских военных, в частности полевой жандармерии. Места расположения лагерей объявлены запретной зоной, куда разрешен въезд только по специальным пропускам. Также отмечена активность среди немецких пленных, находящихся в Норвегии. Они не разоружены и находятся в казармах лишь под присмотром английских офицеров. Специальных сил для их охраны не выделено. Между ними идут постоянные разговоры о том, что в скором времени они будут переправлены в Германию, где смогут достойно рассчитаться с русскими за поражение рейха.

Экипажи кораблей, захваченных англичанами в Киле и Фленсбурге, находятся на своих судах, с которых вопреки решению союзной комиссии не полностью удален боезапас корабельных орудий. Все требования представителя советской стороны в Киле генерал-майора Сулопарова о необходимости разоружения кораблей британская сторона игнорирует.

Меньшая активность отмечена в американской зоне. Там нет занятий с личным составом и учебными стрельбами. В основном идет идеологическая обработка солдат и офицеров из

армии Венка. Представители так называемого правительства Деница, находящегося под арестом у англичан, ведут с военными многочисленные беседы реваншистского толка. Многие из солдат охотно слушают их, но много и таких, кто отказывается общаться с посланцами рейхспрезидента Деница. Необходимо отметить, что американцы и англичане не торопятся покинуть территорию Висмара и Лейпцига, которые согласно ялтинским договоренностям отошли в советскую оккупационную зону. Прекрасно понимая всю важность и ответственность предоставляемых сведений, руководством СМЕРШа был отдан приказ провести их всестороннюю и основательную проверку. Согласно итогам организованной проверки все приведенные в докладе сообщения получили полное подтверждение.

– А почему об этих сведениях представители СМЕРШа не проинформировали командующих фронтов? Почему произошло утаивание столь важной информации?! – в голосе Жукова зазвучали властные командирские ноты, но закрывший папку генерал Антонов и ухом не повел, чем еще больше распалил первого заместителя Верховного Главнокомандующего.

– Потому что представители СМЕРШа не имели право посвящать в это дело командующих фронтов. Мы считали, что нецелесообразно поднимать тревогу раньше времени. Теперь это время настало... – любезно пояснил Жукову генералиссимус, пресекая на корню возможность начала выяснения отношений между военными и особистами, совершенно ненужную в данный момент.

– Кто предупрежден, тот вооружен, говорили древние римляне. Поэтому, следуя их традициям, поговорим по существу дела. Как вы оцениваете боеспособность немецких войск, сдавшихся в плен нашим так называемым союзникам, товарищ Жуков?

– Нужно признать, что до самого последнего дня войны противостоящие моему фронту немецкие войска группы армий «Центр» дрались яростно и ожесточенно, с фанатичным упорством. Окруженные со всех сторон в Берлине, без шансов на спасение, они сложили оружие только после приказа генерала Вейдлинга. До самого последнего дня войны они по праву сохранили за собой звание лучшей армии Европы, но смерть Гитлера и последующая капитуляция основательно сломили их боевой дух. Я сам лично допрашивал сдавшихся в плен солдат берлинского гарнизона. Все они подавлены, опустошены и просят только о сохранности своей жизни... – вынес свой вердикт маршал.

– Да, свою жизнь эти мерзавцы ценят выше всего, – с расстановкой сказал Сталин, и его коричневые глаза полыхнули холодной ненавистью. – А каково ваше мнение, товарищ Конев? Вам пришлось иметь дело не только с солдатами, окруженными в Берлине. Вы разбили последнего фельдмаршала Гитлера. Какова была боеспособность его войск, хорошие были вояки?

– К сожалению, товарищ Сталин, не могу сказать ничего определенного относительно воинства Шернера, – сокрушенно развел руками маршал. – Его солдаты во время марш-броска на Прагу не столько сражались с танками генерала Рыбалко, сколько спешили сдаться американцам. А вот относительно солдат генерала Венка могу сказать с полной уверенностью, они больше не вояки. Уж слишком сильно мы их потрепали во время прорыва из берлинского котла. В иных местах они бежали под прямым огнем наших пушек и пулеметов. Так что, если их вновь пошлют в бой, вряд ли они будут драться так же, как дрались ранее.

– Понятно, – сказал Сталин, окидывая взглядом разложенную на столе карту Германии. – А что скажет товарищ Рокоссовский?

– Маршал Жуков совершенно прав, говоря о надломленности солдат группы армий «Центр», товарищ Сталин. Попав под мощный удар двух наших фронтов, они понесли серьезные потери в живой силе и технике и вряд ли смогут быстро восстановить свою боеспособность, даже при помощи третьей стороны. В отличие от соседей войска 2-го Белорусского фронта не смогли полностью разгромить противостоявшую нам армию «Висла». Сохранив боеспособность, часть ее сил сдались англичанам и, безусловно, представляют собой серьезную силу, с которой необходимо считаться. Однако у этой гитлеровской группировки имеются свои сла-

бые места. В результате боев и отступления враг полностью потерял все свои авиационные и бронетанковые соединения, а также тяжелую артиллерию. Все, чем они могут располагать в случае нападения, это стрелковое оружие и легкая артиллерия. Кроме этого, при отступлении группа армии «Висла» потеряла все склады материального и технического снабжения. Все это дает нам неплохие шансы для достойной встречи врага.

– Ну, с этим добром у немцев проблем не будет, – вступил в разговор генерал армии Баграмян, – англичанам достались все склады вермахта в Голландии, Шлезвиге, Дании и Норвегии.

– Да, это так. Трофеи англичанам достались богатые. Однако не следует забывать тот факт, что для довооружения частей армии «Висла» англичанам будет необходимо определенное время для переброски в полевые лагеря боеприпасов и вооружения. Даже если они будут осуществлять это с территории Дании, времени у них будет очень мало. А если учитывать, что операция готовится тайно и действовать открыто они не смогут, то оно еще больше уменьшится, и к объявленному сроку они вряд ли успеют полностью вооружить своих пленных немцев.

– Товарищ Рокоссовский прав. Временной фактор очень важен для англичан, и его необходимо учитывать. Значит, войска 2-го Белорусского смогут выдержать внезапный удар противника?

– Думаю, смогут, товарищ Сталин, – заверил Верховного Главнокомандующего командующий войсками фронта.

– А учитываете ли вы тех немецких солдат, что сдались англичанам в Дании, Голландии и особенно в Норвегии? Это очень крупные силы – и при всей силе вашего фронта с ними надо считаться.

– С любым врагом всегда надо считаться, товарищ Сталин, а особенно с немцами. Война нас крепко к этому приучила, но и переоценивать врага тоже не следует. После наступления мира англичанам будет крайне сложно открыто перебросить в Мекленбург немецкие соединения, не будучи пойманным за руку. Ну, из Шлезвига и Дании еще как-то можно объяснить, но вот из Голландии, а тем более из Норвегии... это очень сложно, почти невозможно.

– Меня очень радует ваш боевой настрой, товарищ Рокоссовский, но на чем строится ваша уверенность в победе? Ведь для наших солдат новые бои это тоже тяжелое испытание, и в первую очередь чисто психологическое. Одержали победу, собрались вернуться к мирной жизни, а тут снова войной, да к тому же с прежними союзниками. Это очень легко для политиков и очень трудно для простого солдата... – сказал Сталин, остановившись за спиной маршала. По давней привычке, при обсуждении важных дел, Верховный Главнокомандующий ходил по кабинету, внимательно слушая своих гостей.

– Действительно, трудно воевать после недавно одержанной победы. Очень трудно, но наши советские люди поймут это, товарищ Сталин, я твердо убежден в этом. Что же касается немцев, то моя уверенность основана на том, что в этом случае придется наступать им, а не нам, и значит, у нас есть весомая фора. Конечно, в нашем распоряжении нет прочной обороны, и в случае нападения все сведется к встречному бою. Однако сегодня у нас есть чем достойно встретить нападение врага. Пусть фашисты только попробуют сунуться! Смею вас заверить, они получают достойный отпор. Пойдут по шерсть, а вернуться стриженными.

Сдержанный смех сидевших за столом военачальников был ответом на слова Рокоссовского. Шутка пришлась как нельзя кстати.

– Все это хорошо, но нельзя исключать того, что с началом боевых действий англичане отбросят всякую щепетильность и предоставят немцам полный карт-бланш. Тогда им не составит большого труда перебросить соединения из Дании и Норвегии. Думаю, не стоит предоставлять противнику такую возможность, и с началом боевых действий следует активизировать

наши войска на севере Норвегии. Захватить Осло они, конечно, не смогут, но вот взять Нарвик и тем самым сковать норвежскую группировку им вполне по силам.

Сталин остановился, на секунду задумался, а затем уверенно произнес:

– Думаю, выражу общее мнение, если скажу, что лучше маршала Говорова никто не справится с этой задачей. Он единственный из всех, кто большую часть войны провел в Прибалтике, и хорошо знает особенности этого региона. Есть возражения?

Возражений не последовало, все были согласны с мнением генералиссимуса. При нынешнем положении дел, после ликвидации Курляндского котла, маршал Говоров оставался как бы не у дел, и назначение его в далекую Лапландию устраивало всех военачальников. Больше других это решение устраивало маршала Жукова. Он очень опасался, что Сталин может сместить его с командования 1-м Белорусским фронтом. Подобные мысли были навеяны неприятным инцидентом, случившимся с маршалом во время праздничного обеда в Кремле после парада Победы. Тогда захмелевший Жуков стал жаловаться Сталину на недооцененность его боевых заслуг в битве под Москвой. Верховный Главнокомандующий терпеливо выслушал речь «спасителя Отечества», а затем холодно напомнил маршалу о его просьбе разрешить оставить Москву ради спасения армий, на что получил жестокий отказ Ставки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.